

Галина Грановская

Дорога
на Ай-Петри

18+

Галина Грановская

Дорога на Ай-Петри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24137000

SelfPub; 2021

Аннотация

В книгу вошли три повести и несколько рассказов известного крымского прозаика написанные в разные годы. Это очень жизненные истории о первой любви, о попытке найти счастье за океаном в трудные девяностые; о поездке в родные края, где преподавателя престижного вуза поживает необычный сюрприз; об испытании на прочность, готовности пожертвовать жизнью ради другого... Истории об эгоизме и предательстве, о душевной доброте и терпимости, умении прощать и помогать жить другим.

Галина Грановская

Дорога на Ай-Петри

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

1

Пролетали за окнами лесополосы, станционные посёлки и маленькие городки, пустынные поля поздней осени, огороды у железнодорожного полотна, на которых кое-где ещё копошились люди, приводящие в порядок свои участки перед зимой.

И утки-гуси на прудах и озёрах, и белые домики, и пятиэтажки, с вывешенным бельем на крошечных балкончиках – всё было так знакомо и так неизменно.

Домой-домой-домой, стучали колеса.

Домой.

Сколько раз, мысленно, проделывал Виктор этот путь!

Стоило прикрыть глаза, как перед внутренним взором вставал старый дом под красной черепицей. Отец всё собирался сменить эту черепицу на шифер – в дождь крыша местами протекала, каждое лето приходилось лазить наверх с ведёрком цемента и заливать подозрительные места. Если он всё ещё крышу не перекрыл, Виктор, по приезду, обязатель-

но это делает. Только не шифер надо класть, а металлочерепицу. На западе давно от шифера отказались, поскольку делают его, в основном, из асбестоцемента – материала вредного для здоровья.

Но, скорее всего, и крыши-то с дороги уже не увидишь. Если, конечно, ещё не спилили те два грецких ореха, которые сажал дед. Первое дерево – когда родился он, второе – когда его младшая сестра Ольга. Дед же построил и дом. По тем, послевоенным временам, просто роскошный. Строил его много лет, а построив, всё время что-то улучшал, добавлял, перестраивал. Такой природы был человек. Хотя сам в доме после смерти бабушки уже не жил. Перебрался во времянку – белёную, саманную хатку в углу сада.

Там, в единственной комнатке с маленькой печкой, всей мебели было – железная кровать, застеленная колючим солдатским одеялом, грубо сработанный стол да широкая лавка. На стенах – самодельные рамки с выцветшими от времени фотографиями уже ушедшей и незнакомой Виктору родни. За ситцевой занавеской в углу висела кое-какая одежда. Виктор отчётливо помнил лоснившийся от старости древний кожанок с вытертыми, примятыми колечками шерсти изнутри, парадный пиджак с орденами и медалями на плечиках. Был там ещё один пиджак, повседневный, серый в мелкую полоску, к нему изношенные штаны, а под ними пара сапог и грубые ботинки для непогоды; в теплое время года дед всегда ходил в тапочках, а если дождило или была грязь, то в

калошах.

Телевизора он не признавал, в дом смотреть его не приходил, но во времянке у него имелась радиоточка. Вечерами он слушал новости, которые, случалось, комментировал, чаще всего – насмешливо. Днём же только громкий стук ходиков с нарисованными на циферблате зверюшками и гирькой на длинной цепи нарушал тишину. Летом дед во времянке лишь ночевал, предпочитая дневное время проводить на воздухе. Он любил землю и копошился на своём участке с утра до вечера. Сад у него был на редкость ухоженный, и на огороде чего только не было. Агроном в тебе пропал, шутили соседи, приходя за рассадой, черенками какими-нибудь или просто за советом. У него даже в самые неблагоприятные годы всё росло, цвело и давало урожай.

Деда нет, а сад остался. Живя студентом в многоэтажной общаге, снимая комнаты и квартиры в бетонках после окончания института, а позже, находясь уже *здесь*, Виктор часто вспоминал и дедов дом, и дедов сад, который сторожил беспородный, но верный Бимка. Старый уже стал, наверное, пёс. Если жив.

Родители, как и он сам, не любители письма писать. И перезванивались нечасто. Не принято это было в их семье. Да и о чём писать, о чём рассказывать? О том, что ему довелось пережить с того момента как его нога ступила на чужой континент, лучше было умолчать. Мало было хорошего, а о пло-

хом писать не стоило. Жаловаться у них в семье не принято. В детстве на все жалобы у отца был один ответ: сам виноват. Дразнят? Значит, повод дал. Старшие бьют? Не путайся у них под ногами. Не получается с учёбой или работой? Меньше спать да гулять надо.

Никогда не были они с родителями особенно близки; ни он, ни сестра Ольга. Мать полжизни провела в окружении чужих детей, отдала школе больше тридцати лет, а для собственных, видимо, не хватало уже ни сил, ни времени. Нет, готовила она отменно, и в те времена, когда хорошую одежду в магазинах было не так-то просто купить, одевала их очень прилично. Но с кем они дружат, чем занимаются – в это особо не вникала и никаких разговоров по душам с ними не вела. Отец, советский инженер не только по образованию, но и по образу мыслей, жил, главным образом, делами своего завода, с утра до вечера был занят работой. Дома ему, наверное, хотелось отдохнуть, а тут они со своими проблемами. Виктор не любил вспоминать, каким недовольным и ворчливым бывал отец, а иногда даже жестоким к собственным детям. Как-то он залез с мальчишками в сад к соседу, который выращивал на продажу крупную клубнику, и тот их застукал. Естественно, пришёл жаловаться. Отец без долгих размышлений снял ремень и тут же во дворе выпорол сына прямо при соседу.

Нет, отец никогда его не понимал.

Но даже если бы и понимал, он всё равно бы отцу ниче-

го не рассказал. Есть в жизни моменты, когда решение надо принять самому. Чтобы в случае неудачи не искать крайних, не взваливать свою вину на других. Только сам ты можешь сделать (или не сделать) решительный шаг и начать (или не начать) новую жизнь. Так он тогда думал.

Конечно, поступил он с родителями не лучшим образом, уехал, не попрощавшись. Но, во-первых, был какой-то суеверный страх – а вдруг не получится? А во-вторых, как бы они отреагировали, скажи он им правду? Да категорически против были бы. Такая бы буча поднялась! Не хотелось расплыть энергию, объяснять и убеждать. Узнают, решил он, просто позже. Узнали, конечно, пару месяцев спустя, от сестры. Домой звонить он не решился, позвонил Ольге на работу и скупое, поскольку хвастаться было нечем, – шелтер, полуполюгальное положение, мытьё посуды в китайском ресторане, – сообщил о том, где он сейчас находится.

Сестра была потрясена.

– Ну, ты даёшь! Как ты мог? Да ты зверь просто какой-то. Мама извелась вся – уехал в командировку и два месяца ни слуху, ни духу! Мы тут места себе не находим, а он – нате вам – в Канаде! Какой-то ты у нас... бездушный.

Хотя он и ожидал подобной реакции, – а какой ещё она могла быть? – эти слова сильно заделали. Он в те дни был сплошной комок нервов. И потому, наверное, слишком болезненно воспринял Ольгины упреки. Накатила ответная

волна раздражения. Можно подумать, они там только и делают, что пекутся о нём день и ночь!

– Раньше на полгода в Сибирь ездил, никто моего отсутствия не замечал, – язвительно произнёс. – С чего это вдруг сейчас так разволновались?

– То Сибирь, родная страна. А вообще-то, может быть и не узнали бы ничего, если бы я к тебе по делу не приехала. На свадьбу тебя хотели пригласить, – обиженно произнесла сестра. – Прихожу, а в твоей квартире какая-то мымра живёт. Знать, говорит, ничего не знаю, квартиру купила, могу документы показать! Я к Зине, она тоже ничего не знает. Что можно было подумать? Пропал без вести. Ей-то чего не сказал? Как-то ты не так к людям относишься...

– Нормально отношусь, проблем им не добавляю. Ладно, как вы там? И что за свадьба?

– А, тебе все-таки интересно? – колко спросила Ольга. – Это я тут, между прочим, замуж вышла.

– Ну, поздравляю! Поздравляю! И за кого, если не секрет? – Господи, что за вопрос он задал, конечно же, за Сережку!

– Ну, ты даёшь! Совсем у тебя там, в Канаде твоей, мозги набекрень съехали, – обиделась сестра. – За Сергея, за кого же ещё? У нас тут, кроме него, и парней-то нормальных не осталось. Все разбежались, прямо как ты.

– Ну, поздравляю! – повторил он и замолчал, не зная, что ещё можно сказать.

– Ага, теперь он поздравляет! Задним числом.

– Подарок за мной.

– Не надо нам твоих подарков, – Ольга никак не могла успокоиться. – Мне-то, мне-то хотя бы мог намекнуть, что уезжаешь.

– Скажи тебе, ты бы тут же всем растрезвонила.

Сестрица действительно секретов держать не умела, у неё всегда было, что в голове, то и на языке. А тут такая новость.

– Ну и что? Подумаешь, тайны мадридского двора! Ладно, – вздохнула и добавила уже примирительно, – не пропадай. Письма у нас никто не силён писать, так что звони, когда можешь. Нам звонить тебе не по карману. А то дядей станешь и не узнаешь, – хлопнула неожиданно под занавес носом. – Теперь, наверное, не скоро увидимся.

Как в воду глядела.

Но он тогда так не думал. Самонадеянным был. Казалось, что за пару лет всё у него уладится, всё утрясётся и он обязательно приедет навестить родных.

– Да ладно, нечего меня хоронить раньше времени, – произнес бодро. – Тут всё нормально. Ещё позвоню. Привет родителям.

Через пару недель перезвонил, опять Ольге на работу.

– Обиделись, – сказала она, – и сильно. Отец говорит, знать тебя после этого не желает.

Ну, не желаешь, так и не желай. Тоже мне, родственнички! Ни слова поддержки в тот момент, когда он так остро в ней

нуждался.

Он тоже может обидеться.

Не писал, не звонил им, наверное, пару лет.

Но со временем обиды улеглись. Он сильно скучал. Чем дальше, тем больше вспоминалось хорошего. В конце концов, все они по-своему любили его. Не было нежностей, но родители всегда о нём заботились, поддерживали, пока он заканчивал институт. Делились всем, чем могли поделиться в той скудной совковой жизни. Вспоминал, как мать и сама привозила, и при каждой возможности передавала через знакомых и проводников поездов тяжеленные сумки с продуктами, когда он был студентом. Ольга, несмотря на хороший аттестат, не поехала поступать в университет, как хотела, решила учиться заочно, поскольку понимала, что содержать двоих студентов родителям будет трудно. А вот он тогда воспринимал всё это, как само собой разумеющееся.

Ему захотелось как-то порадовать их всех, особенно мать и Ольгу. Послать денег им, что ли? Или какие-нибудь вещи? На сезонных распродажах, на всех этих повсеместных «сэйлах», можно много чего купить по сносной цене. Впрочем, это были только мысли – на первых порах с наличностью у него было туго, сам едва держался на плаву. Ну, ничего, рано или поздно, станет и он на ноги. И тогда...

В одну из жарких июльских ночей, маясь от жары – кондиционера в доме, где он снимал тогда комнату, не водилось, – и размышляя о том, о сём, вспомнил внезапно, что у

отца вот-вот юбилей. Не забыть бы об этом в последний момент. Не принято было у них дома дни рождения отмечать, но тут шестьдесят лет – надо хотя бы поздравить. Работал Виктор в то время грузчиком в одном русском магазине, и вот, в этом же магазине купил часовую телефонную карточку. Купил, вышел, дошёл до остановки и вернулся – решил купить ещё одну. Заволновался почему-то – вдруг времени не хватит? Готовился к долгому разговору, хотелось порасспросить о жизни, о школьных друзьях-приятелях, о Зине. Узнать, как она, как соседи и одноклассники...

Казалось почему-то, что он будет говорить с матерью, но трубку поднял отец. И ни удивления не выразил, ни гнева, ни радости. Голос его звучал скорее равнодушно. Спасибо. Как празднуем? Да никак. Что праздновать – приближение старости? А так – так всё в порядке, все живы-здоровы. Нет-нет, ничего слать не нужно, у нас всё есть, хозяйство кормит. Какое хозяйство? – спросил он. Равнодушный тон отца неожиданно поменялся, в голосе появились тёплые нотки. А мы тут живность завели. Корову купили, две овечки, поросёнок. Мама? Мать, как всегда. Сейчас у Ольги – внука нянчит. Внука?! Вот так новость! Ну да, уже полгода ему. Сашкой назвали, Александром то есть. Всё своим чередом...

Он спросил о Ване, с которым учился в школе и который жил по соседству. Иван давно в Москве, сказал отец, уехал на заработки. А Зина? Тоже нормально. Слышал, замуж вышла прошлым летом, говорят, них с мужем теперь магазин

– шубы, кожаные куртки, пальто... Шмотья, одним словом. Машину какую-то импортную купили. Ну, а ты там как? – помолчав, проявил, наконец, скупой интерес. – Не женился? Не женился. Ну-ну, сказал отец. На том разговор и кончился. Уложились в пятнадцать минут – не о чем было больше говорить. С каким-то саднящим чувством Виктор положил трубку. Он о них помнил, а они, похоже, нет. Он словно умер для них. Похоже, уже и не ждали его. Отец даже не спросил, приедет ли он, и когда, домой.

Странно, что даже в мыслях у него было это «домой». Почему «домой»? Дом его теперь был по другую сторону Атлантики.

Один сезон незаметно сменялся другим, год полетал за годом. Оглянуться не успел – десять лет прошло. Десять лет по эту сторону океана, и за это десятилетие он так ни разу и не смог побывать дома.

А началось всё с вечеринки, куда Зина, с которой он тогда встречался, чуть ли не силой его затащила. Пойдём да пойдём, чего дома сидеть. У одной из её многочисленных подруг было новоселье. Он вяло отбивался, была охота тащиться в такую даль! Стоял октябрь, дождало и ему действительно не хотелось ехать в слякотную погоду куда-то на окраину города, в отдаленный район новостроек – попробуй потом выбраться оттуда вечером. Но главная причина была даже не в этом, а в том, что подругу эту, Люську, он сильно недолюб-

ливал, поскольку та всё компостировала Зине мозги насчет свадьбы-женитьбы. Советы давала, как его покрепче привязать и в ЗАГС поскорее затащить. А он тогда ещё не готов был к этому. В то время он и сам не знал, чего ему хочется в этой жизни. Но вот чего он определенно не желал, так это контроля над собой и уж, конечно, пелёнок и детского крика по ночам. В ту пору ему нравилось его холостяцкое существование. Только-только, как молодой специалист, получил квартиру и что-то начал зарабатывать. К тому же Зину вряд ли можно было назвать девушкой его мечты. Маленькая, кругленькая, она, конечно, отлично готовила, и конечно, была бы хорошей хозяйкой, но ему хотелось чего-то большего. Но пока ничего другого на горизонте не маячило, ему и с Зиной было неплохо. Оба родом были из одного маленького городка, а точнее, из большого рабочего поселка, переименованного в связи с ростом населения в город. И знакомы с детства, у них там все друг друга знали. Как со смехом объявляла каждому Зина, они ещё в одном детском саду на горшках рядом сидели. Вместе поехали в областной центр поступать в институт. Учились, правда, на разных факультетах, он на инженерном, она на экономическом, но жили в одной общаге и маленькая добрая Зина все студенческие годы подкармливала его пирожками-салатами, которые готовить умела и готовила в больших количествах. Ещё она никогда не забывала повести его на очередную вечеринку. Её часто приглашали – никто не мог лучше накрыть стол и высоким

задорным голосом спеть студенческие частушки. Он и сам не понял, как к окончанию института их дружба вдруг переросла, как она однажды туманно выразилась «в нечто большее». Может быть, для неё это нечто и было «большим», но не для него. Не мог он увидеть это «большее» в маленькой Зине, с которой вырос на одной улице.

В двухкомнатной, светлой, пока ещё не обставленной квартирке собралось человек пятнадцать. Некоторых Виктор знал – работали вместе с Зиной. Оглядев стол, щедро уставленный закусками и бутылками, он оттаял и уже не чувствовал, что потащился в такую даль зря. А после нескольких тостов за новую квартиру и гостеприимную хозяйку, на душе совсем потеплело. Народ расслабился, пошли разговоры.

Налегая на селедку «под шубой», он вполуха слушал сидевшего рядом с ним седого дедугана. Как вскоре выяснилось, это был Люськин родственник, Николай Петрович, бывший штурман дальнего плавания. «Дедуган», похоже, много чего повидал и рассказывал довольно интересные вещи. Вначале о рейсе в Антарктиду на научном судне, – а это шесть месяцев в морях! – о пингвинах, морских львах, слонах и прочей, самой южной экзотике. Люська расспрашивала о Бермудском треугольнике. И там он бывал. В сверхъестественное не верил, но из-за огромного скопления водорослей в Саргассовом море это действительно трудный район для навигации, плюс там постоянно меняются течения. А

вот курорты на Бермудах, замечательные. Довелось ему как-то побывать в Гамильтоне. Песчаные пляжи, дайвинг, ну и всё такое прочее.

Антарктида, Бермуды...

Виктор как-то внезапно осознал вдруг серость своего существования. Даже есть расхотелось. Этот старикан, по крайней мере, видел мир. Калейдоскоп его воспоминаний сиял яркими цветными стеклышками. Есть что вспомнить. А его, Виктора, мир был однотонным, серым. Нет, были, конечно же, и цветные вкрапления – сине-зеленое море у берегов Тарханкута, та же Борзовка с песнями, розовые яблоки в розовом свете, когда он ранним утром просыпался в саду – дома он часто летом ночевал в углу сада, на старом дедовом топчане. Были, были яркие мгновения, но серость преобладала. Во всяком случае, так ему тогда, за тем столом в Люськиной квартире, вдруг показалось.

Потом кто-то вспомнил о друге, который уехал в Нью-Йорк, устроился программистом и теперь всюду косит зелёные. Да, кивнул Николай Петрович, сейчас это можно – и уехать, и работу найти хорошую, если знаешь язык. Не то, что раньше. И рассказал случай из далёких времён своей молодости, как один из его приятелей-сослуживцев сошел на берег в американском порту, да на борт и не вернулся. Ответный удар пришёлся по семье – младшего брата выгнали из мореходки, родителей таскали в КГБ за «предательство» сына. Это само по себе травматично, но самым страшным

было то, что они несколько лет вообще не знали, жив он или мёртв. Через Красный Крест разыскивали. «Нашли?» – с надеждой в голосе спросила Зина. Николай Петрович кивнул, да, со временем связь восстановили. Он через третьих лиц письмо прислал, это родителей немного успокоило. Но всё равно, знать, что жив, и знать, что они могут его больше никогда не увидеть... Николай Петрович покачал головой и пригубил налитую рюмку. Финал истории, к облегчению Зины, оказался позитивным. Через много лет сын смог-таки побывать в родных краях. За время своего отсутствия стал довольно состоятельным человеком. Начинал в Америке простым строителем, потом организовал свою фирму. Не сразу, но дело пошло. В результате смог всех забрать под своё крыло, и родителей и брата... «Это сейчас есть реальные возможности вполне легально перебраться за кордон на ПМЖ – плати денежки и езжай, а в те времена всё было очень и очень непросто», – закончил «дедуган» свою историю.

Виктор тогда впервые услышал слово «ПМЖ» и склонился к Зине, спросить, что это такое. Николай Петрович, повернувшись к нему, объяснил: постоянное место жительства. Сейчас многие фирмы оказывают иммиграционные услуги, открывают путь в заморские страны. Но если уж перебираться, то лучше всего в Канаду. Почему именно в Канаду? Ну, пояснил бывший штурман, это одна из немногих стран, на законных основаниях принимающая желающих поменять родину. Разумеется, добавил шутливо, при наличии,

у этих самых желающих, некоторых средств к существованию. Канадцы делают на них деньги и не скрывают этого. И поскольку поток желающих достаточно велик, – особенно много едут из Китая, – то и поступления в канадскую казну весьма значительны.

– Знаем мы эти «надёжные» фирмы, – раздраженно произнес кто-то на другом конце стола. – Недавно читал, как делают деньги на ловле лохов такие вот, «надёжные» конторы.

Николай Петрович поднял брови и развёл руками – всякое случается.

Разговор продолжился, но Виктора словно отключили. Он вдруг физически ощутил тесноту за столом, тесноту комнаты. Вот так, в одной и той же норе – неужели всю оставшуюся жизнь? Захотелось простора, захотелось увидеть далёкий горизонт. Зависть остро кольнула – вот, другие бороздят океаны, перед ними открываются новые миры... Почему не перед ним? Чем он хуже?

Разговор переключился на что-то другое. Потом женщины стали убирать грязную посуду, готовить стол к чаю, а мужчины вышли на балкон перекурить. Там Виктор и попросил у Николая Петровича номер телефона.

– Ну и что ты думаешь?» – спросил он Зину на обратном пути.

– О чём? – не поняла она.

– О Канаде.

Зина удивилась. Похоже, она уже забыла разговор за столом.

– А чего мне о ней думать?

– Ну, какие-то новые возможности... Тут-то что сейчас делать? Полный бедлам. И вообще, живём... как цирковые звери в клетке.

Но Зина совсем не ощущала себя запертой в тесной клетке. Она чувствовала себя в этой жизни вполне комфортно. Покачала головой.

– Ехать куда-то, не зная языка? Полы там, что ли, мыть? Здесь у меня профессия, работа, друзья, а там кто нас ждёт? – Зина была практичным человеком. – А язык мне ни за что не выучить! Да и зачем голову ломать, учить, и вообще куда-то ехать, начинать всё с нуля, когда сейчас и здесь можно заработать? Мне вот Люська предлагает поехать на одну турецкую фабрику за кожей. В Турцию виза не нужна. Слушай, – глаза её заблестели от внезапно явившейся удачной мысли, – может, и ты поедешь с нами? Поможешь нашим бабам с багажом, погрузка-разгрузка всякая, они заплатят. Вот тебе и первоначальный капитал! Тоже что-нибудь купишь, а здесь продадим...

В Турцию ему не хотелось.

Хотелось другого. Мысль о возможности круто поменять судьбу прочно засела в голове.

Через пару недель он позвонил Николаю Петровичу и пригласил в ресторан. Виктора интересовала Канада.

– Отличная страна для тех, кто работать умеет, – кивнул штурман. – Сможешь правильно использовать свои мозги или, там, руки – тут уж у кого, что имеется, – всё получится.

– А сами почему не хотите попробовать?

Николай Петрович рассмеялся.

– Поздно в шестьдесят пять менять свой курс. Будь я мо-
ложе, может быть и рискнул бы. Может быть. Язык есть, зна-
ния есть и профессия подходящая, но моё время ушло. Лад-
но, давай, за молодость! – Николай Петрович поднял рюмку.

– Я, честно говоря, о Канаде почти ничего не знаю, – при-
знался Виктор. – Как-то о ней мало пишут и по телевизору
не говорят. Вообще, как там люди живут?

– Люди везде живут по-разному. Вопрос в том, какой уро-
вень жизни тебя интересует, – философски произнес Ни-
колай Петрович. – И вообще, что ты в ней, в этой жизни
ищешь. Если ты чётко представляешь, чего хочешь, то най-
дутся и пути достижения цели. Что ищешь, то и иметь бу-
дешь, ну, при правильной расстановке сил. Канада – стра-
на возможностей. Но повторяю, – старый штурман вырази-
тельно поднял указательный палец, – пахать там придётся
по-настоящему. Кто не может поймать ритм, тот выпадает в
осады. Бедных и там полно, стоят в очереди за бесплатным
супом Армии Спасения. А потому надо сначала правильно
ответить на вопрос: зачем туда ехать? Если в надежде хоро-
шо жить, ничего не делая, то бесплатный суп дорого обой-
дётся, – скаламбурил он и поднял рюмку. – За успех в этой

жизни!

Ещё за здоровье выпили.

– Ну, и с чего мне начать? – осторожно поинтересовался Виктор.

Николай Петрович бросил на него испытывающий взгляд. Вероятно, не ожидал, что Виктор вот так сразу, без раздумий, ринется в бой.

– Могу дать адрес одной киевской фирмы. Там скажут, какие нужны документы и проконсультируют по полной программе. Им только плати.

– Дорого услуги стоят?

– Вот этого сказать не могу, не знаю. Но если серьёзно думаешь ехать, и с документами у тебя всё получится, позво- ни, дам пару адресов. Есть у меня знакомые ребята в Торонто, – добавил, поглядывая на опустевший графинчик. – Объяснят, что к чему, может быть даже помогут найти какую-нибудь работу. Но в целом – больше рассчитывай на свои силы. Там не принято плечо подставлять, каждый сам за себя. И, главное, всегда помни, что это только шанс. Наши люди часто думают, что там их ждут какие-то... голубые города. А надо реально смотреть на жизнь.

Виктор и смотрел, насколько мог, реально.

Что – реально – он имел в своей стране такого, за что стоило бы цепляться? Неустроенный быт бессемейного человека (Зина не в счёт). Хроническое отсутствие денег, зарплата маленькая, да и ту в последнее время стали задерживать, по-

сколькx завод-гигант, чью продукцию ещё недавно закупали по всему Союзу и отправляли за рубеж, после развала державы вдруг почему-то оказался нерентабельным. Хорошо, что он успел до начала всего этого кавардака жильё получить.

Вот это и было его единственной, реальной ценностью – однокомнатная квартира в центре. Если продать будут деньги для старта в новую жизнь.

Конечно, и сомнения терзали. И страх, что надуют – при продаже квартиры, при оформлении документов или в этом самом «турагенстве». Тем не менее, он решил рискнуть. И позвонил по номеру, который дал ему старый штурман.

– Как я понимаю, вы не бизнес-иммигрант, – выслушав его, произнесла женщина на другом конце провода. – Родственники в Канаде имеются? Нет? Значит, программа по воссоединению семьи тоже отпадает. Остается независимая иммиграция. Какая у вас специальность? Стаж работы есть? Подождите минутку, я посмотрю список профессий по независимой иммиграции... – после чего наступило долгое молчание, прерываемое время от времени вздохами и бумажным шелестом. – Нет, вашей специальности, к сожалению, в списке нет.

Ну вот, он так и думал. Раскатал губы!

– И никакой зацепки?

Трубка немного помолчала.

– Ладно, приезжайте, поговорим. Посмотрим, что можно будет сделать.

Взяв пару дней за свой счет, он поехал в Киев.

– Вообще-то процесс иммиграции можно начать и с той стороны, – осторожно намекнула пожилая элегантная дама, после того как они битый час перебирали смежные профессии, которые нашлись в утвержденном для иммиграции списке, и подсчитывали возможные баллы. – Не хотите для начала поехать туда с группой туристов? Посмотрите всё, как говорится, своими глазами. Ну, а там уж, на месте, решите, нужна ли вам эта Канада.

Но он уже решил – нужна.

А вот с Зиной предстояло расстаться.

Вернувшись, он первым делом оформил себе загранпаспорт, после чего стал собирать необходимые для туристической поездки документы и справки. Как оказалось, их надо было ещё и на английский перевести, а потому всё это заняло довольно много времени. Снова в Киев он отправился лишь через два месяца, но на этот раз попутно, командировка подвернулась.

Отдавая документы вместе с предоплатой за услуги фирмы, он раза три переспросил, сколько ему придётся ждать. «Максимум полгода, – заверили в конторе, – минимум три месяца. Как только соберется туристическая группа, в которую вас можно включить». Увольняться с работы настоятельно не рекомендовали. Но его после этой поездки просто залихорадило. Он не мог просто сидеть и спокойно ждать. В

течение месяца распродал вещи и мебель. А потом продал и саму квартиру и переселился на окраину, снял в коммуналке больше похожую на шкаф комнату. И даже думать себе запретил о том, что будет, если, по Зининой присказке, «карты не лягут». Лягут – должны.

2

Прошла зима, кончался март, а никакой внятной информации о положении дел всё ещё не было. Несмотря на предостережение фирмы, он уволился, деньги таяли. А тут ещё, как назло, хозяин комнаты попросил заплатить за три месяца вперёд – сказал, что собирается ехать на всё лето к сыну в Сибирь, и на поездку нужны деньги. Он врал, что обязательно заплатит вперёд, только не сейчас, а в конце месяца. А сам снова и снова бегал на переговорный – звонить из коммуналки не решался, – и набирал номер киевской фирмы, чтобы снова услышать в ответ: потерпите, ваши документы всё ещё «на рассмотрении». Он всё больше ощущал себя идиотом, которого хорошо «обули», и едва сдерживаясь, спрашивал в очередной раз, сколько обычно длится это «рассмотрение». И ему в очередной раз отвечали: по-разному.

В тот самый день, когда он решил уже, что это будет его последний звонок, и не позже, чем завтра он сам отправится в Киев, чтобы на месте и лично разобраться с проходимцами из этой фирмой, ему вдруг сообщили, что получить визу без

собеседования не удалось. И что теперь? – взъярился он. Ничего особенного, просто нужно будет приехать в Киев на интервью в посольстве. Когда приехать? Мы сообщим вам. Вы не волнуйтесь, до двенадцатого апреля ещё есть время. А что будет двенадцатого апреля? – спросил он. Разве вы не знаете? – удивился девичий голосок в трубке. – Двенадцатого утром сбор вашей туристической группы в Киеве. Тринадцатого вылет. Вам забронировать гостиницу или у вас есть где остановиться? Платить за гостиницу не хотелось. Найдется, ответил он, вспомнив об общежитии, где жил, будучи в командировке. Пару дней там вполне можно перекантоваться.

Двенадцатого утром сбор группы... оставалась всего неделя!

Он начал лихорадочно собираться, всё ещё не веря, что такое возможно, вот так взять и уехать из страны. Впрочем, тут же суеверно гнал от себя эти мысли, ещё предстояло пройти интервью, и неизвестно, каким окажется результат. Как неизвестно и то, какие там задают вопросы, и как на них следует отвечать. Спросить было не у кого.

Когда немногочисленные вещи были упакованы, он позвонил домой и сказал, что отправляется в длительную командировку.

– Далеко? – спросила Ольга.

– Да как сказать...

– Надеюсь, ненадолго?

– А что? – Навострил уши, обычно таких вопросов ему

не задавали.

– Да так просто спрашиваю.

И вот колёса поезда, уносящего его в Киев, равномерно выстукивают: повезёт – не повезёт, повезёт – не повезёт...

Он боялся этого «интервью».

Поезд опаздывал, и он опаздывал вместе с ним.

И поскольку всё равно не успевал на утренний сбор группы, решил не тащиться в фирму с вещами, а отправился напрямик в общежитие, чтобы договориться о ночлеге. И лишь оставив там чемодан, рванул в контору.

– Самолёт вылетает тринадцатого. Билет в один конец, – девушка протянула ему желто-синюю книжечку.

– А... виза?

Она уставилась на него в немом изумлении.

– Как, у вас ещё нет визы? – выдала, наконец, почти шёпотом после длительного молчания.

– Нет. Кажется сегодня или завтра у меня интервью в посольстве.

Все ещё пребывая в состоянии лёгкого шока, девушка неуверенно покачала головой.

– Вам лучше было бы вначале получить визу, а потом заказывать билет. Если не получится с визой, вы много потеряете...

Это уж точно – он много потеряет.

Его так и подмывало спросить, за что они берут деньги,

и что это за бардак такой – правая рука не знает, что делает левая, но сдержался, только сказал:

– Предупреждать надо заранее! Чем вы тут вообще думаете? И за что берёте деньги?

– Да, но... – похоже, девушка испугалась. – Я... я здесь только на билетах. Визы – это к Анне Степановне, а она сейчас в посольстве. Перезвоните ей после обеда.

– Да сколько можно звонить?!

Что-то было не так, и у него противно заныло в груди.

Погоуляв пару часов вокруг Главпочты, он все-таки перезвонил. На этот раз ему ответил мужской голос, но сказал он то же самое, что ему говорили и раньше: ждите.

– Чего ждать?! – рявкнул в ответ. – Группа вылетает...

– Без визы вы все равно никуда не попадете. Вы не волнуйтесь. Если что, отправим вас другим рейсом, с другой группой, как только уладим...

Он швырнул трубку, не дослушав. Как он попался! Вот тебе и «надёжная» фирма! Похоже, они точно надумали его обмануть. Поняли, что он не особенно в теме, и такого ничего не стоит облапошить.

Утром тринадцатого поехал в аэропорт, с билетом, который лежал в паспорте, где не было визы. Он сам не знал, зачем и почему туда поехал. Наверное, от беспомощности и отчаяния, ничем иным этого странного поступка не объяснить. На что надеялся? Побродив по залу ожидания, вычис-

лил «свою» группу, – человек десять-двенадцать толпилось вокруг парня, который давал какие-то разъяснения, – подошёл и не ошибся. Они летели в Торонто. Начал разговор. У всех, кроме него, визы были. В растерянном озлоблении он повернулся к парню и спросил, как же так получилось, что все, кроме него имеют визы, хотя он вроде бы тоже должен лететь этим рейсом?

– Дело в том, – попытался оправдаться представитель фирмы, явно не ожидавший, что он заявится в аэропорт, – что эта группа целиком из Запорожья, протестанты, и у них, помимо туристической путёвки, есть ещё приглашение одной из религиозных общин Канады. Все они получили визы без собеседования. Но вы-то ведь не из Запорожья и к этой общине отношения не имеете.

– Тогда зачем надо было разыгрывать эту комедию и оформлять мне билет?

– У вас билет на руках? – парень вытаращил глаза. – Господи, зачем же вы его выкупили, не имея визы? Какая такая девушка рекомендовала купить заранее? Я сейчас же свяжусь с Анной Степановной, она разберётся с этой девушкой. Сдайте срочно – срочно! – этот билет, – он посмотрел на часы, – если это ещё можно... Нужно попытаться вернуть хотя бы какие-то деньги!

Почему он тогда не сделал этого? Вместо того, чтобы отправиться искать кассу возвратов, он продолжал стоять вме-

сте с отлетающими. Словно какого-то чуда ждал. Пожелав группе счастливого пути и приятного путешествия, и бросив напоследок в сторону Виктора выразительный взгляд, ясно показывающий, что он о нём думает, парень исчез, ещё раз пообещав разобраться с сотрудницей фирмы, оформившей ему билет заранее.

Те, кто слышал их разговор, выражали своё сочувствие, но помочь, естественно, ничем не могли. Он стоял, как побитый пёс и не уходил, глупо всё ещё на что-то надеясь.

– Очень-очень жаль, – сказал руководитель группы, как оказалось, пастор. – Думаю, это просто недоразумение. Вам надо вернуться и ждать приглашения на интервью. Уверен, вы собеседование пройдёте и визу обязательно получите. Я буду за вас молиться, – добавил, склонив голову. – И вы молитесь.

– Да я не умею, – пробормотал он.

– Тут особого умения не надо, просто обратитесь к Богу и просите о милости. Своими словами.

Объявили регистрацию, а он всё не уходил, вместе со всеми стал в очередь, чувствуя, что выглядит в глазах окружающих ну совсем уже полным идиотом. Сидящий в стеклянной будке чиновник долго и с недоумением таращился на его паспорт, потом на его билет, мучительно соображая, как такое могло произойти – билет был, а визы в паспорте не было. Потом перевёл взгляд на него, и в глазах его ясно читалась

вся глубина презрения к недоумку, который возомнил, что можно уехать из страны просто купив билет. Но это же нормально, хотелось крикнуть ему. Это нормально! Так должно быть – ехать туда, куда ты хочешь, если у тебя есть билет. Но так думал только он. Конечно же, его завернули. И на виду у всех он поплёлся по залу со своим чемоданом и с рюкзаком за спиной к выходу.

Вернулся в полупустое студенческое общежитие. Все улетели, а он остался. Он остался в двойных дураках, поскольку помимо того, что у него не было визы, в кармане у него лежал билет в страну, куда его вряд ли когда-нибудь пустят.

Он снова заплатил коменданту какие-то деньги и упал, не раздеваясь, на продавленный матрас старой железной кровати. Бессмысленно пялился в потолок, покрытый по углам паутиной и трещинами, не способный ни думать, ни тем более принимать какие-то решения. Не в силах справиться с возникшей ситуацией, мозг отключился и он уснул.

На следующий день в девять утра, пребывая в мрачном, почти злобном расположении духа, заставил себя снова позвонить в фирму, желая теперь только одного – вернуть хотя бы часть денег из той баснословной суммы, что была им уплачена за поездку в Канаду.

– Слава Богу, вы позвонили! – похоже, на этот раз с ним говорила сама, недостижимая прежде, Анна Степановна. – Мы вчера целый день пытались с вами связаться! Но вас не было в гостинице! У вас сегодня интервью! На десять! Ско-

рее в посольство! Запишите адрес.

Мелькнула вялая мысль, что возможно, с их стороны это была очередная попытка запудрить ему мозги, чтобы не возвращать деньги. Своего рода контратака. Тем не менее, он почему-то не стал ввязываться в ссору, а поймал такси и поехал к посольству, где тихо гудел рой претендентов на получение канадской визы. Спросив, кто последний, он стал, как и другие, заполнять анкету. Очередь была длинной. У всех были напряжённые лица, все как будто изначально готовы были к отказу. Здорово же тут маринуют народ за его же деньги. Вначале он прислушивался к тихим разговорам вокруг, а потом от долгого ожидания и этого полушёпота опять впал в тупое оцепенение и едва не уснул. Не сразу понял, что его приглашают пройти в кабинет номер четыре – на собеседование.

– Вы должны доказать, что не являетесь потенциальным невозвращенцем. – Дама, с хищным, неприятным выражением впивалась взглядом то в его лицо, то в документы.

Вопрос следовал за вопросом. Тон был самый недоброжелательный. Наверное, сюда на службу специально таких вот, злобных гусынь отбирают, мелькнула мысль. Впрочем, сейчас ему почему-то было всё равно. После очередного вопроса, когда он уже решил, что с него хватит испытаний, и приготовился проявить инициативу и откланяться по собственной воле, дама вдруг сама завершила беседу, сказав, чтобы

он пришёл в посольство после обеда, – за паспортом.

День был на редкость тёплым и солнечным, но это не радовало. Он бесцельно, безо всяких мыслей, пребывая в каком-то бесчувственном состоянии, бродил по близлежащим улицам, ожидая назначенного времени. Потом посидел в кафе на углу, выпил кофе, не ощущая его вкуса, полистал забытый кем-то на столике журнал, не видя того, что было на его страницах. К двум вернулся к посольству. У железных ворот уже собралась внушительная толпа, напряженно ожидающая решения своей участи. В начале третьего из-за железной ограды вышла, наконец, сотрудница посольства с паспортами в руках и, раскрывая их поочередно, начала называть фамилии. Он услышал своё имя и шагнул вперёд, не ожидая ничего хорошего. Отойдя в сторону, раскрыл паспорт. На одной из страниц тускло сияла клеенная бумажка. Виза.

Кто-то завистливо вздохнул за его плечом. «Дали?»

– Дали, – пробормотал он, но от созерцания этой бумажки, стоившей огромных денег, сил и нервов, на душе радостнее не стало.

Да, теперь у него была виза, которую ещё несколько дней назад он так страстно желал иметь. Теперь была виза, но не было билета.

Почти на автопилоте он позвонил в фирму и спросил, что делать.

– Ну, если виза в паспорте, мы вам больше не нужны – вы

уже и безо всякой группы, сами можете лететь, – пошутила Анна Степановна.

Он тяжело молчал, пытаясь переварить ситуацию. Поняв, что ему не до шуток, Анна Степановна перешла на официальный тон:

– Следующая группа вылетает завтра. Ждём вас в аэропорту. К сожалению, билетом, как вы понимаете, придётся заниматься теперь самому. В здании главпочтамта работает агентство «Обрий», у них, бывает, снимают бронировку за сутки до вылета. Может быть, вам повезёт и удастся получить у них новый билет. Обратитесь туда прямо сейчас.

И ни слова хотя бы о частичной компенсации, хотя именно по их вине он оказался в таком диком положении. Но это он так считает. Они-то в полной уверенности, что виноват он сам и только сам. Кто же выкупает билеты, не имея визы? Не проявил бдительности, за что и наказан. Что-то объяснять не хотелось. Может быть, завтра у него найдутся на это силы. А сейчас какая разница? Не отдадут ему сейчас денег. А если что-то и вернут, то разве что какой-то мизер, которого на новый билет не хватит.

Разумеется, в «Обрий» он не поехал, а снова вернулся в общежитие и провел там ещё одну, не самую лучшую, ночь. На этот раз долго не мог заснуть, пытаясь решить непосильную задачу – где раздобыть денег на новый билет. Который стоил целое состояние по меркам этой страны. Снова и сно-

ва перебирал в уме своих многочисленных знакомых и старых друзей. Но не было у него ни знакомых, ни друзей, ни родственников, которые могли бы дать, одолжить такую громадную сумму даже под очень большие проценты.

И тут он почему-то вспомнил чернобородого пастора.

И начал молиться.

А рано утром, так и не поспав толком, принял душ, переоделся и снова поехал в аэропорт.

Это глупо, глупо, твердил себе всю дорогу. Нет, он точно сошёл с ума! Мало было унижений в эти последние дни? У него нет билета – зачем он снова едет в аэропорт?!

Но какая-то незримая сила тащила его туда. Полчаса на метро до вокзала, оттуда ещё сорок минут на автобусе. И вот, перед ним вновь стеклянные стены «Борисполя». На этот раз он даже не стал искать туристическую группу. Побродив туда-сюда, стал в очередь на посадку за двумя толстыми тётками, тащившими по паре уставленных чемоданами и сумками тележек и зычно перекликавшимися с остающимися родственниками по поводу своего багажа. «Ой, Таська, та не пропустят же, дуже багато!» «А що робить? Нэ выкидать же... може якость пройдемо. Може хтось поможе... а ни, так заплатимо».

Одна из женщин оглянулась, окинула оценивающим взглядом вначале его чемодан, а потом и его самого и, вздохнув, отвернулась. Не понравился, видимо. Небритый, тощий.

Такого и просить опасно.

И едут же с такими выюками! Что можно везти в Канаду, чего там нет? Сало у них там, что ли? Пытаясь отвлечься, рассматривал других пассажиров. Люди как люди.

Первый контроль документов. Сердце застучало. До-смотр. Чемодан медленно уползает в зев аппарата. Таможен-ник сосредоточенно смотрит на экран. Хорошо, что не на него. В чемодане у него ничего особенного, но, кажется, что на лице отражается весь его внутренний мандраж. Чемодан выезжает с другой стороны, он берет его и проходит даль-ше, туда, где принимают багаж. Девушка за стойкой взвесила чемодан, налепила наклейку и чемодан, проехав немного по ленте транспортера, скрылся с глаз. Непослушными пальца-ми он взял посадочный талон и медленно направился к эс-калатору, увозившему куда-то вверх сдавших вещи пассажи-ров. Он все ещё ждал, что его окликнут, скажут, что вышла ошибка...

Он был последним на паспортный контроль. Протянул паспорт, куда был вложен билет на позавчерашний рейс и больше не мог ни о чем думать. Тихо, почти не шевеля губа-ми, произносил слова неумелой молитвы.

Он прошел тот паспортный контроль.

Чудо свершилось.

Это было невероятно, но ему по старому билету выдали и посадочный талон, и пропустили в зал ожидания! Через пол-

часа он поднялся по трапу в самолёт и занял место в салоне.

Глядя в иллюминатор на удаляющуюся землю, окончательно уверовал, что существует нечто, чего не постичь ограниченным человеческим разумом, нечто, что имеет власть и силу, и способность влиять на судьбы людей.

Господь Бог существует.

Он пожалел его.

Дал шанс.

Открыл путь.

Через восемь часов пребывания в воздухе Виктор оказался в Торонто.

Знал бы, что его ждёт – ну, хотя бы в тот первый год жизни в Торонто – прежде чем рыпнуться, для начала хотя бы какую-нибудь информацию собрал. А уж английский бы зубрил день и ночь. Но он ехал наобум.

До отъезда воображение случалось рисовало смутные, приятные картины – виделась красивая машина, двухэтажный дом на берегу озера... Но первые же дни пребывания в новой стране отрезвили и развеяли все розовые мечты.

Он оказался одним из первых в очереди на паспортный контроль, одним из первых вышел в зал ожидания и минут тридцать, поджидая остальных из своей туристической группы, стоял, рассматривая канадцев, толпящихся за ограждением в ожидании знакомых, друзей и родственников, прибывших этим же рейсом.

Его же здесь никто не ждал.

Культурная программа турпоездки включала посещение нескольких достопримечательностей Торонто и его окрестностей, но он не стал тратить на них время – ещё увидит. Главное сейчас – хоть как-то зацепиться в этом чужом городе. Вдруг понял, что не имеет ни малейшего представления, как найти жилье и работу. Одна надежда, что поможет парень, адрес которого дал ему бывший штурман дальнего плавания. При первой возможности в первый же день своего пребывания в Торонто Виктор позвонил ему. И в тот же вечер они встретились в крошечном вестибюле третьеразрядной гостиницы, в которой разместились их киевская группа.

– Ник, – представился он, пожимая руку. И тут же поправился, – Николай.

Пригласил в пиццерию по соседству, огромную, неудобную, набитую в этот час утомлённым народом. Когда уселись за столик, первым делом поинтересовался, когда Виктор прибыл.

– Сегодня.

– Значит, завтра с утра иди и сдавайся иммиграционным службам. Чем раньше, тем лучше.

– Куда идти? – не понял Виктор.

Николай объяснил, что чем раньше он заявит о своём желании остаться в Канаде, тем больше шансов у него получить вид на жительство. Да и весь процесс быстрее начнётся и закончится.

Идти и сдаваться? Да его же тут же отправят назад! Тем более что группа, с которой он прибыл, пока ещё здесь!

– Маловероятно, – сказал Николай, разрезая пиццу. – Не отправят, пока не разберутся.

Дома Виктору казалось, что уж он-то приспособится к любой ситуации, только бы получилось перевалить за кордон. И вот ему это удалось, вот он сидит здесь, и что? Куда идти? Что делать? Где жить? Николай пожал плечами. Если сразу сдаешься – без крыши над головой не останешься. А работа? Ещё наработаешься, туманно пообещал Николай, это уж точно. Вот несколько адресов и телефонов. Работодатели. Только не обольщайся, хотя и бывшие соотечественники – платить будут мало.

В этой стране нужно рассчитывать только на себя, на свои силы, повторил слова старого штурмана. Тем, кто едет на праздник жизни, лучше сразу назад поворачивать. Нету тут праздника. И не предвидится.

Дом на берегу озера Онтарио!

Виктор покачал головой, удивляясь своей давней наивности. До первого дома было ещё плыть и плыть. Прошло несколько лет, прежде чем он смог позволить себе *снять* первый настоящий дом, да и то на пару с приятелем, – а до этого жил, снимая лишь комнаты или, в лучшем случае, крошечные квартирки.

И кем только не работал! Уборщиком в магазинах и офи-

сах, убирал улицы, грузил и разгружал товар в супермаркетах. Одно время работал на бензоколонке на одного бывшего соотечественника, который платил на редкость скупно, но при этом с таким видом, что буквально облагодетельствовал Виктора, взяв его на работу. Как-то в дождливую погоду группа пацанов, заруливших на заправку с громоподобной музыкой в салоне, дёрнула с места раньше времени и оторвала и уволокла шланг заправочной колонки. Целую неделю Виктор работал бесплатно, отрабатывая нанесённый хозяину ущерб.

Без знания языка нечего было рассчитывать на какую-то стоящую работу. Язык долго оставался прямо-таки непреодолимым препятствием. Иногда он приходил в отчаяние, слушая радио или пялясь в телевизор – для него звучала оттуда сплошная тарабарщина, в которой мелькали лишь отдельные знакомые слова. И ведь учил же он этот проклятый английский, и в школе учил, и в институте, и на курсах! Но, видимо, как, посмеиваясь, говорил Лёшка, бывший учитель из Волгограда, намывая рядом с ним огромные окна супермаркета, методика была не та.

Но, в конце концов, нечего жаловаться, он выкарабкался. Преодолев какой-то барьер начал не только многое понимать, но и более-менее сносно говорить. Где-то через год из немых батраков, как шутил тот же никогда не унывающий Лёшка, с которым они подружились и даже пожили какое-то время вместе в одной обшарпанной квартирке, он перебрал-

ся в разряд более оплачиваемых. Тех, кто умел изъясняться на языке хозяев.

Первый год был самым трудным. Первый год – он для всех самый трудный, даже для тех, у кого родственники есть в Канаде, и кому с работой повезло, удалось устроиться лучше, чем ему. А таким как он, попавшим сюда скорее случайно и при отъезде абсолютно не представляющим того, что их ждёт в новой жизни, было особенно туго. Не все выдерживали. Кто-то, немного подзаработав, уезжал обратно.

Иногда казалось, что и ему пора возвращаться. Был он инженером, здесь стал чернорабочим. Правда, с зарплатой, которая и не снилась ему там, где он работал инженером. Но и расходы здесь были в разы больше. Так что большой вопрос, выиграл он или проиграл, решившись на такую авантюру. И может быть, тоже стоит вернуться? В первый год особенно сильны были эти колебания. Уехать или остаться? Остаться или уехать?

И сколько раз мысленно Виктор уже ехал домой!

Иногда снилось, что он всё ещё студент и сидит в электричке, читает по пути домой какие-то конспекты.

Домой-домой-домой, стучат колеса. И мелькают за окном пустынные поля поздней осени, деревья, теряющие последнюю листву, станционные посёлки и маленькие городки, где никогда ничего не меняется...

Первое время часто просыпался ночами. Пугался, не сразу соображая, где находится. Включалось сознание, мрак рассеивался, сон отступал, проступали чужие углы и какие-то вещи, сердце сжималось. Он садился на кровати или даже вставал, ходил по комнате, чтобы окончательно рассеять сумрачное состояние. Смотрел в окно на чужой город – станет ли он когда-нибудь его городом? Станет ли он своим здесь?

Время шло, улицы становились всё более знакомыми, вывески всё более понятными – напряжение спадало. Он всё реже просыпался по ночам. Знакомые появились. С некоторыми сходилась поближе. Особенно с теми, кто в такой же ситуации находился – ни здесь, ни там. Нелегалы, то есть. Жадно слушал советы тех, кто уже прорвался, получил статус.

Слава Богу, все эти трепыхания позади. Теперь у него другая жизнь. Да и сам он с получением паспорта стал другим. Общаться ему теперь приходится больше на английском. Заметил, что в англоязычной среде он не только начинал думать по-английски, но и вёл себя по-другому, совсем не так, как вёл бы в подобной ситуации раньше. Не зря наверное, говорят: другой язык – другая личность. А может его просто канадская действительность так основательно перемолола и перелепила? Помудрел, что ли.

В течение нескольких последних лет изо дня в день у него один и тот же маршрут: дом – фабрика – дом. Рутинное существование. Вечерами – новости. Где-то что-то происходило, что-то строилось, что-то рушилось, где-то даже войны шли, он же теперь стремился жить тихо. Чтобы всё было размеренно и относительно спокойно. И чем дальше, тем больше ему нравился вот такой, уравновешенный в целом, более-менее предсказуемый ход жизни.

По субботам отправлялся в ближайший торговый центр затариться продуктами на следующую неделю. По пути заглядывал в книжный, точнее, в кафе при книжном магазине, смотрел книги, листал журналы. Но питаться старался дома – так было дешевле. Начал готовить, освоил несколько новых блюд – французский луковый суп, рататуй, королевские креветки с фасолью... Жил одно время с португальцем-поваром, тот научил. Постепенно обрастал вещами, начал разбираться в брендах. В дни распродаж не ленился пройтись по магазинам и долго копался в развалах тряпок модных вчера. Одежду выбирал обстоятельно, прежде чем что-то купить, долго примерял, изучал этикетки, смотрел на качество ткани, из чего и где сделана вещь.

По воскресеньям иногда посещал методистскую церковь по соседству. Шумные компании разлюбил. Случалось, звали знакомые куда-нибудь выбраться, но он редко даже в гости ходил, не говоря уж о каких-то там дискотеках. Пред-

почитал смотреть фильмы. Это так не похоже было на него прежнего, что он сам себе удивлялся. Дичаю, мелькала иногда мысль, становлюсь социопатом. А может, старею.

Но дело было, конечно, не в старости. До старости ему ещё было далеко. Просто после всех этих расколов и разломов, всех этих вихрей враждебных, дующих со всех углов нового государства-обломка некогда огромной страны; после переезда в страну новую и нервотрёпки, именуемой иммиграционным процессом; после всех стрессов, связанных с вращением в новую почву, с непростым, болезненным освоением новой реальности, ему хотелось пожить более-менее спокойно. Отдышаться хотелось.

На бурные воды хорошо издали смотреть.

Он и смотрел иногда.

Не в переносном, а в прямом смысле – время от времени ездил к Ниагарскому водопаду. Почему-то его тянуло туда. Уже и со счёта сбился, сколько раз там побывал. От Торонто сто тридцать километров по скоростной трассе. На машине всего какой-то час. Ну, час с небольшим.

Наягра-Фоллз. Что и говорить, фантастическое зрелище.

3

Впервые он приехал туда на автобусе много лет назад.

Как-то читая «Русский Торонто», газету, купленную в русском продуктовом магазине в Северном Йорке, в районе, где снимал тогда комнату, он наткнулся на объявление, приглашающее совершить путешествие к одному из чудес света. И в самом деле, подумал, надо побывать. Люди со всех концов едут на него посмотреть, а он рядом живёт и этого чуда ещё не видел. Работал он тогда ночным уборщиком в огромном супермаркете. Работа не из легких, поскольку приходилась на ночь, но платили хорошо. Он считал, что ему повезло, – до этого была стройка.

Он вертел эту газету, читал другие объявления и всё возвращался к этому, первому – автобусная экскурсия к Ниагарскому водопаду, к Наягра-Фолз, как здесь говорят. Дороговато выходила эта экскурсия, но почему не устроить себе маленький праздник? Тем более что в выходные, скорее всего, поспать не удастся. Сосед по квартире, молодой парень из Москвы, музыкант, как он себя называл (хотя работал в каком-то захудалом магазинчике), по воскресеньям с утра пораньше врубал свою музыку, и никакие доводы и просьбы сделать звук тише не помогали.

Он позвонил в агентство и заказал билет на воскресенье на экскурсию с русскоговорящим гидом.

Была середина июля, и стояла необычно жаркая погода. Пик сезона, сказала экскурсовод, когда они въезжали на

стоянку. Это было и без слов ясно – стоянка была забита под завязку. Десятки автобусов и сотни машин заполнили маленький городок. Слышалась немецкая, французская, японская речь. Звучали ещё какие-то языки. Настоящий Вавилон – кого здесь только не было! Люди сидели в кафе и ресторанах, бродили по улицам, покупали сувениры в многочисленных магазинчиках. Множество увешанных кино- и фотокамерами туристов толпилось у парапета, глаза на водопад или снимая на видео и фотоплёнку одно из главных чудес света.

Оторвавшись от своей группы – хотелось побродить самому, – он тоже замер на какое-то время на берегу, не в силах оторвать глаз от фантастического зрелища. Разделяющая две страны спокойная река Ниагара, вытекающая из озера Эри, добравшись до озера Онтарио, вдруг обретала ярость тигра, с рёвом низвергая свои воды с пятидесятиметровой высоты. Кораблики у водопада, заполненные пассажирами в жёлтых и голубых плащах, издали казались просто игрушечными.

Ничтожность человека – вот что он ощутил, глядя на эти летящие вниз, пенящиеся потоки. Беззащитность – перед мощными силами природы и скрытым от смертных смыслом жизни. И лишаящее дара речи восхищение.

Вместе с толпой, натянув на себя полиэтиленовую накидку с капюшоном, он прошёл мрачным сырым туннелем под водопадом. Бетонная труба, набитая туристами, сотрясалась

и вибрировала под грозным напором воды. Время от времени вместе с другими он выходил на специальные открытые площадки позади падающей вниз Ниагары и какое-то время стоял там под дождём из брызг, – песчинка, огражденная бетоном от ревущих потоков.

Потом купил билет на катер со странным названием “Мейд ов зе мист”. Попав на палубу, снова натянул пластиковый плащ, полученный перед посадкой. Наполненный туристами катер отвалил от пирса и взял курс к подножию водопада. И вот он, грозно шумящий, совсем рядом. Миллионы тонн воды с рёвом неслись вниз, разбиваясь, дробились на мельчайшие частицы, образуя сияющее в солнечном свете туманное облако. Когда они оказались внутри него, палуба заходила ходуном. Они подошли к водопаду настолько близко, насколько было возможно. Катер, несмотря на натужные усилия, не мог двигаться дальше – слишком велики были силы сопротивления. Казалось, ещё немного и, затянутый мощным водоворотом, кораблик пойдет ко дну. Постояв минуту, он стал медленно отступать назад.

– Мама, не держи фотоаппарат против солнца – ничего не получится!

Оглянулся. В первый раз услышал здесь русскую речь.

Высокая девушка, уворачиваясь от брызг, старалась в то же время смотреть в объектив. Под полупрозрачным капюшоном темнела густая копна волос, сияла белозубая улыбка.

ка. Хороша. Заметив его взгляд, она дружелюбно кивнула и спросила по-английски, не мог бы он их сфотографировать?

Он тоже кивнул в ответ, взял протянутый фотоаппарат и приблизил к глазу видоискатель. В этот момент палуба вновь угрожающе накренилась, и он едва не выронил камеру. Шум водопада почти заглушал голоса, но он услышал, как девушка воскликнула: осторожно! И в тот же миг их снова обдало водой, мельчайшие брызги засверкали многоцветным туманом, сквозь который сияло мокрое смеющееся лицо – и тут он понял, почему катер называется “Мейд ов зе мист” – «Девушка тумана». Вот она, девушка Тумана, прямо перед ним! И при взгляде на эту «мейд ов зе мист» душа его попала в бурлящий пенный водоворот, мощные силы увлекли её глубоко вниз, откуда, коснувшись дна, в мгновение ока она вознеслась к небу и вернулась в самом весёлом расположении обратно на палубу. Давно ему не было так хорошо.

Он снова посмотрел в видоискатель на лица мамы и дочери – совсем не похожи.

– Улыбку!

– Вы говорите по-русски? – хором спросили они.

И также хором задали следующий вопрос: откуда он?

Виктор щёлкнул затвором и протянул девушке фотоаппарат.

– Из Торонто. А вы?

Оказалось, тоже из Торонто. Дочь звали Оксаной, маму Ларисой. Узнать больше ему не удалось, шум воды заглушал

слова. Но когда сошли на берег, он, почти не надеясь на положительный ответ, всё-таки спросил:

– Может быть, пообедаем где-нибудь вместе?

– Да, я сильно проголодалась, – смеясь, кивнула Оксана. – И я знаю здесь один неплохой ресторанчик.

Казалось, что они тоже рады этой встрече. За обедом выяснилось, что Лариса работала в госпитале, а Оксана в известной фирме по продаже модной женской одежды и аксессуаров. Расставаясь на набережной, они пригласили его в гости и дали номер своего телефона.

Возвращался домой в приподнятом расположении духа.

Вдруг понял, что пора менять работу. В самом деле, не всю же жизнь ему быть ночным уборщиком в супермаркете! Конечно, платят неплохо, но работать ночами и спать днём... Так и жизнь пролетит – не заметишь. К тому же, он уже более-менее сносно понимает окружающих и бегло говорит по-английски.

Следующая неделя ушла на поиски новой работы. Он просмотрел уйму объявлений и сделал несколько звонков, прежде чем нашёл место помощника официанта в итальянском ресторане. Платили меньше, но зато кормили два раза в день, когда он бывал на смене и, главное, у него появилось свободное время.

Первых выходных на новой работе ожидал как праздника. Не терпелось воспользоваться приглашением Оксаны и Ла-

рисы.

И вот, наконец, в одно из воскресений, предварительно позвонив, отправился на другой конец города с бутылкой вина и коробкой конфет. Квартирка была маленькая, хотя и «ту-бедрумная» и в престижном районе. Пили чай, разговаривали. Он спросил, откуда они приехали в Канаду. Оказалось, из Сибири. Это показалось ему странным, как-то не состыковывалась в его сознании внешность Оксаны с образом сибирячки. В отличие от плотной, коренастой Ларисы была она высокой, узкоплечей, с изящными руками и ступнями.

Оказалось, Оксана родилась в Баку. Отсюда труднопроизносимая азербайджанская фамилия и густые чёрные волосы, а от русской матери ей достался ярко-голубой цвет глаз. Удивительно нежный мелодичный голос обладал какими-то поющими и, как ему казалось, восточными интонациями. Этот голос его просто зачаровывал, да и весь облик Оксаны с первой встречи вызывал восхищение.

Он спросил, как она оказалась в Канаде. Лариса пожалала плечами.

– Обычная история.

Вначале жили в Азербайджане, там и Оксана родилась. Наверное, они и до сих пор бы так там и жили в большом и красивом доме, если бы не начались эти события.

– Какие события?

– Ну, из-за Нагорного Карабаха...

К стыду своему, он мало что об этом знал. Нет, слышал,

конечно, краем уха что-то когда-то, но не вникал. Он вообще не интересовался политикой.

– Мама часто Баку вспоминает, – взглянув на мать, сказала Оксана. – Говорит, что никогда после мы не жили так хорошо и беззаботно, да, мам?

– Да, ни в чём не нуждались, хотя работал только муж, а я домом и Оксаной занималась. Правда, дома работы хватало, там в порядке вещей гости чуть ли не каждый день. А какой город! Самый большой на Кавказе.

– Город я не очень хорошо помню, – призналась Оксана. – Помню, мама покупала около метро такие вкусные-вкусные, то ли пирожки, то ли слойки, прямо горячие ещё, я таких потом нигде не ела. А ещё мороженое там прямо в кино продавали. И гости у нас на террасе часто собирались.

– Не знаю, как сейчас, а тогда по соседству с нами кто только не жил. Азербайджанцы, русские, армяне, грузины, евреи, да полно всякого народу. Интернационал, одним словом, – улыбнулась Лариса. – Прямо, как здесь, в Канаде. А потом всё изменилось.

При этих словах изменилось и лицо Ларисы, она нахмурилась, вспоминая те дни. И в самом деле, можно ли было поверить тогда, когда они сидели за одним столом, – азербайджанцы, русские, армяне, – что вся эта замечательная жизнь так внезапно оборвётся, и вчерашние друзья станут врагами? Казалось, все эти волнения, все эти столкновения на улицах – простое хулиганство, которое вот-вот кончится, и всё об-

разуется, заживут все, как и раньше. Не кончилось, ситуация ухудшалась с каждым днём и вскоре начались настоящие погромы. Из Азербайджана стали изгонять армян, они уезжали, за ними покидали свои насиженные места многие русские, евреи, украинцы.

– Мама всё боялась и всё твердила, что нужно на время уехать. Я это помню.

– Да просто выходить в город стало опасно. Кто мог, тот сразу уехал. А многим и ехать некуда было, а другие не уезжали, потому что не могли продать дома. Стерегли их. Но потом так прижало, что люди просто оставляли и дома, и всё, что в них было. Ну, естественно, начались грабежи.

Лариса вздохнула, опустила голову, и некоторое время сидела молча.

– Да ладно, мам, хватит, – тряхнула своей роскошной гривой Оксана. – Что за вечер воспоминаний? Виктору это неинтересно!

Но прошлое продолжало волновать их обоих. Не с каждым можно было о нём говорить, но с ним, наверное, можно было, и они говорили. Позже, во время других встреч по кусочкам рассказывали продолжение своей жизненной истории. Пока в голове у него не образовалась целостная картинка.

Жизнь изменилось. Несмотря на то, что отец Оксаны был азербайджанцем, оставаться в Баку было страшно. На вход-

ную дверь поставили новые замки. Но они не уберегли их от беды. В одну из осенних ночей пьяные подростки подожгли соседний дом, где жила армянская семья, и огонь, раздуваемый ветром, перекинулся на их участок. Оксана не помнила пожара, её спящую, унесли к соседям, но хорошо помнила следующий день, и тот ужас, который охватил её, когда она увидела свою выгоревшую комнату и перепачканную сажей маму, та собирала вещи и плакала. Ещё запомнилась дорога. Они ехали к бабушке в Сибирь. Ехали долго, на поезде, и она всю дорогу мерзла.

Несколько месяцев они жили у бабушки как гости. Отец дважды приезжал, привозил деньги, виноград и другие фрукты, но ехать обратно было пока некуда. Отец сам жил у родственников и пытался ремонтировать дом. Потом, как это часто случается, у него появилась другая женщина. Время шло. Деньги, которые он оставил в свой последний приезд, закончились, работы Лариса долго не могла найти, и они стали жить довольно бедно. Бабушке было трудно их содержать. Начались ссоры.

В конце концов, родители развелись. Лариса устроилась на завод, и её почти никогда не было дома. За Оксаной стала присматривать бабушка. Отводила её в школу, приходила за ней после уроков, водила на музыку в Дом пионеров.

Постепенно и не без трудностей, но жизнь стала как-то налаживаться. Спустя какое-то время Лариса снова вышла замуж, за своего бывшего одноклассника Бориса Стоцкого.

Вот вместе с ним-то они и эмигрировали в Канаду.

После сибирской глубинки Оксане всё понравилось в этой стране – и город, и дом, и новая школа, – несмотря даже на то, что первое время у неё были проблемы с английским. Но в детском возрасте язык осваивается довольно быстро. Через год она говорила уже практически без акцента. А вот у Ларисы дела шли не так хорошо, как хотелось бы. И семейная жизнь снова не задалась. Стоцкий, хотя всё ещё на бумаге и числился мужем Ларисы, уже несколько лет жил отдельно. Впрочем, все трое остались в нормальных отношениях. Оксана окончила школу, потом колледж и начала работать – в той самой фирме, в которой ещё школьницей подрабатывала на показах модной одежды.

– Мне после школы предлагали стать манекенщицей, я даже на специальные курсы ходила. Но мама не захотела, чтобы я продолжала там учиться. Курсы дорогие, а никаких гарантий, что после их окончания какая-нибудь более-менее значительная фирма, где хорошо платят, заключит со мной контракт. В этой сфере просто дикая конкуренция. Она считала, что я должна получить какое-то более серьёзное образование. Для неё это очень много значит. Она сама после школы учиться не стала, сразу вышла замуж и осталась без профессии, и ей из-за этого здорово досталось. Короче, не хотела, чтобы я повторила ту же ошибку и настояла на том, чтобы я пошла в колледж. Хотя мне, конечно, хотелось побыстрее на-

чать зарабатывать. Когда вокруг столько красивых вещей...

– Да, помню, мне после школы тоже хотелось всего и сразу. Джинсы, кроссовки настоящие.

– Я не об одежде. Я, первым делом, купила себе очень хороший фотоаппарат, – Оксана искоса посмотрела на Виктора. – Знаешь, кем мне действительно хотелось бы быть?

– Кем?

– Фотографом. Вокруг столько удивительных вещей! А люди проходят мимо и ничего не видят. Может быть, когда у меня будет немножко больше свободного времени, я займусь этим серьёзно и когда-нибудь выпущу фотоальбом со своими снимками.

Она действительно везде носила с собой фотоаппарат. И в квартире, где они с Ларисой жили, стены были увешаны её работами – бурная Наягра в самых разных ракурсах и в разные времена года, виды Атлантики, вечерний Монреаль... По её мнению, самый красивый город страны, в котором она мечтала когда-нибудь жить.

– Да, альбом – это было бы здорово, – произнёс он.

А сам подумал, кому они нужны эти виды здесь, вон сколько настоящих художников, пишущих и маслом и акварелью, выставляют свои картины в маленьких галереях и сувенирных лавках. А то и просто на улицах предлагают их почти за бесценок, – и то мало кто берет. Люди здесь в большинстве своём думают не о картинах, а о покупке новой машины, мебели или дома в престижном районе.

Она словно прочитала его мысли и улыбнулась.

– Да, знаю, наверное, фотоальбомы не очень популярны. Одна моя подруга работает в большом книжном магазине, «Барнс-энд-Нобл», она говорит, что такие вещи действительно не пользуются спросом.

– Но за твоими фотоальбомами будут стоять очереди, – пошутил он. – Я буду первый.

– Очередь из одного человека! – Оксана рассмеялась.

По выходным она возила его по окрестностям – то на парфюмерную фабрику, то на какую-нибудь очередную ярмарку, то посмотреть крошечную церковь, самую маленькую в провинции Онтарио (а может быть, и во всей Канаде), куда одновременно могло втиснуться не больше четырех человек.

Как-то предложила съездить в Вандерлэнд – детский парк развлечений. Он сопротивлялся.

– Ну что я там буду делать, на качелях кататься? Давай лучше сходим в ресторан.

– Рестораны это заурядно. К тому же, мне надо меньше есть, я стала поправляться. Вот увидишь, там будет весело.

Она пыталась показывать ему те места, которые были ей хорошо знакомы, с которыми были связаны какие-то приятные ощущения. Вандерлэнд – ещё не забывшиеся воспоминания детства. Её возили туда совсем недавно, ведь ей только двадцать с хвостиком. А ему уже за тридцать. Разница ощущалась.

– Для меня Онтарио – лучшее место в Канаде, – сказала Оксана, когда они на огромной скорости неслись по хайвэю мимо садов и виноградников. – Ну, не считая Монреаля, конечно. Но в Монреале больше Франции, чем Канады. И тебе здесь тоже понравится, вот увидишь. Особенно хорошо здесь на юге провинции, тут помимо водопада много чего ещё есть. Эту часть Онтарио называют фруктовой корзиной Канады. Здесь выращивают абрикосы, персики, виноград...

– Виноград? И как он здесь только растёт? – удивлялся он, вспоминая пережитые холода и морозы. – Зима же здесь лютая! Даже водопад замерзает!

– Ну, не такая уж лютая! – засмеялась Оксана. – И виноград ещё как растёт! Здесь и вино делают. Ты пробовал когда-нибудь вино из подмёрзшего винограда? Нет? Называется «айсвайн», ледяное вино. Такого, наверное, больше нигде в мире не делают. Для этого вина виноград убирают не до, а после первых заморозков, поэтому оно имеет совершенно особый вкус. Вот увидишь, тебе понравится!

– Ну, ещё бы! Я большой любитель этого продукта! – пошутил он.

Она тут же загорелась:

– Вот! Я знаю одно местечко, не совсем, правда, по пути, придётся сделать крюк, но оно того стоит. Ну, что, заедем? Только сразу предупреждаю, вино дорогое. Впрочем, я не пью, за рулём, а ты для начала можешь обойтись и одним

бокалом. Можешь разориться на один бокал?

Ему было все равно. Он забыл о своей тяжёлой работе, о жёсткой экономии. В конце концов, за что и платить, как не за такие моменты жизни? Он и готов платить. Только за то, чтобы вот так катить с ней рядом, он готов отдать все свои невеликие сбережения. А тут ещё и вино предлагают...

Он смотрел на неё сбоку, на то, как, чуть откинувшись назад, она вглядывается в дорогу, как ведёт машину, и ему очень хотелось её поцеловать.

Прекрасная страна Канада!

А после пары бокалов вина она казалась ещё более замечательной.

Покинув постоянный двор с винным баром, они продолжили путь в парк развлечений. Поставили машину на стоянку, купили входные билеты, которые показались ему безумно дорогими, и отправились бродить по канадскому Диснейленду. Как тысячи других туристов, приехавших сюда провести с детьми последние дни летних каникул.

Он и не подозревал, что в нём сохранилась способность так веселиться.

Полёт по американским горкам доставил ему просто какую-то дикую радость. Они летели по рельсам на огромной скорости вперёд и вперёд, переворачивались на крутых виражах, повисая вниз головой и, вцепившись мёртвой хваткой в поручни, громко орали дикими, первобытными голосами. После этого полёта он, наверное, ещё с неделю пребывал в

состоянии какой-то эйфории. Впрочем, не Вандерлэнд был тому причиной, а маленькая остановка по пути к нему.

4

Лето кончилось, прошла осень, впереди замаячила зима с её канадскими холодами и снегопадами. Они стали видаться реже, поскольку он стеснялся приглашать Оксану в свою ободранную комнатёнку, а чтобы встречаться где-то ещё, нужны были деньги. Просматривая объявления в рекламно-информационном журнальчике «Bonus», выходявшем на русском языке, искал подработку. Хорошая работа – это здесь главное. Нет работы – нет денег, и ты за бортом. Без работы и денег легко опуститься. А лузеры здесь не в фаворе.

Неожиданно он нашел эту вторую работу и довольно быстро. Но не по объявлению. Сосед по квартире сказал, что требуется продавец в магазин «секонд хэнда» на два дня в неделю. Он позвонил и уже на следующей неделе приступил.

Пора было думать о нормальном доме, куда не стыдно приглашать гостей. И о машине. В Торонто жильё, чем ближе к центру, тем дороже. Если же оно в каком-нибудь пригороде, без машины не обойтись. Ездить он умел, оставалось, позубрив местные правила, сдать экзамен. Выяснил, как и где это делается. Оксане ничего не говорил. То, что она возила его повсюду, как-то задевало. Наверное, всё ещё не изжитый

совковый менталитет давал себя знать. Хотя здесь, в Канаде, женщин за рулем можно было видеть не реже, чем мужчин. А может быть, даже чаще. Поразмыслив, стоит ли тратить свои сбережения, он все-таки решился и купил первую в жизни собственную машину – подержанную, но все ещё не потерявшую вида, «мазду».

Представлял, как подкатит к офису Оксаны, чтобы забрать её с работы. Как только получит права, сам будет возить её повсюду. Пожалуй, надо свозить, первым делом, в Монреаль. Обязательно поедут на Ниагару. Они уже дважды побывали там вместе, им обоим нравилось это место.

Утром, бреясь, он пристальнее, чем обычно, разглядывая в зеркало своё лицо, такое знакомое и такое почему-то всегда чужое; на висках всё отчетливее проступает седина, и волосы впереди значительно поредели. Впрочем, сейчас его это не особенно огорчало – сегодня он пребывал в философском расположении духа, – такова жизнь, никто не становится моложе.

Выпив чашку кофе, уже натягивал куртку, чтобы отправиться на работу, когда зазвонил телефон. Звонил адвокат, занимавшийся его делом.

– Легенду хорошо выучил? – спросил. – Не забыл, что у тебя в следующую среду суд? Будь готов.

– Всегда готов, – вяло откликнулся он.

Ну вот, и наступил час «икс».

Ладно, ладно, успокаивал себя, волнуйся – не волнуйся, а будет лишь то, что будет. Самое плохое, что может случиться – скажут «нет» и вышлют из страны. Ну, вышлют и чёрт с ним. Приехал с одним чемоданом и одним языком, уедет с двумя чемоданами и двумя языками. Здесь жить или там, для него уже почти никакой разницы. Перегорел, понял за это время, что везде свои радости и свои трудности. Хотя, разумеется, бодрясь и говоря себе всё это, он, вероятно, слегка кривил душой – разница была. Не мог он вернуться сейчас, когда у него появилась Оксана.

Но, видимо, полоса пошла такая – то, что вчера казалось недостижимым, сегодня само лезло в рот. Всё прошло как по маслу.

Со своим адвокатом, Тони-Антоном, они почти сдружились в процессе борьбы за получение легального статуса, а потому обед по случаю первой победы над бюрократической машиной Канады, переваривающей документы ещё медленнее, чем все конторы бывшей великой державы СССР, проходил в самой непринужденной обстановке. Они сидели в маленьком уютном ресторанчике, отмечая знаменательное событие бутылкой «мерло».

– Ну что ж, ещё раз мои поздравления, – Тони поднял бокал, – ещё чуть-чуть и в твоём кармане будет лежать канадский паспорт. Ну, а пока – статус landed immigrant тоже иметь неплохо. Он даёт тебе все права канадского гражданина за исключением одного – права голосовать, избирать

и, соответственно, быть избранным. Но, думаю, губернаторское кресло тебя даже в перспективе не интересует.

– Если уж выдвигать свою кандидатуру, то только на пост президента, – пошутил он в ответ.

Тони насмешливо поднял брови:

– Увы, друг, вот это тебе точно не светит. Президентом здесь тебя никогда не выберут, даже если станешь миллиардером. Хотя бы потому, что в Канаде президентов нет. Здесь конституционная монархия, и формально здесь правит британская королева, представленная генерал-губернатором. А чтобы стать премьер-министром, надо родиться в этой стране. Но вот твои дети уже смогут претендовать на этот пост...

– А у тебя есть дети? – спросил Виктор.

– Двое мальчишек. Пять и шесть лет, – лицо неожиданно Тони расплылось в довольной улыбке. – Жуткие хулиганы, по словам мамы.

Он достал из лежащей на краю стола папки фотографию и протянул Виктору. Посмотрев на конопатые физиономии белобрых мальчишек, очень похожих на Антона, и на его темноволосую жену, тот вернул фото. Интересно, а как Оксана относится к детям? Сейчас многие канадки предпочитают не детьми заниматься, а делать карьеру. Деньги подавляют даже мощный инстинкт материнства.

Тони снова посерьёзnel.

– Учи язык и историю страны, получишь канадский паспорт и тогда перед тобой откроются границы всех стран Ев-

ропы-Азии... Ну, или почти всех – уточнил, – не говоря уж об Америке, Австралии и Новой Зеландии. Впрочем, у тебя и сейчас всё ОК, не считая лишь одного маленького неприятного нюанса.

– Какого? – поинтересовался он, трудясь над бифштексом.

– Учитывая то, что мы изобразили тебя беженцем, тебе сейчас не попасть в родную страну. Пока не станешь полноценным гражданином Страны Кленового Листа.

Виктор пожал плечами.

– Да я как-то туда пока и не рвусь.

Покривил слегка душой. Конечно же, он хотел побывать дома, и ещё как хотел. Дом не отпускал его, не было дня, чтобы Виктор не вспомнил о нём, о родителях, Ольге. О саде, где всё так знакомо до последнего куста, и так всё прекрасно. О Зине.

– А мне бы хотелось, – произнес неожиданно Антон-Тони, снова наполняя бокалы. – Меня сюда привезли мальчишкой, мне было пятнадцать лет. В Торонто я уже двадцать лет, здесь окончил школу, потом университет, потом работать начал... Работа нервная, как видишь, но в смысле денег – хорошая. Женился на канадке, и все у нас, вроде бы, о'кей, – он помолчал, глядя в окно. – Но иногда вдруг накатывает... Наш двор московский, подъезд, соседские мальчишки вспоминаются. Кстати, в Туле родственники живут, приглашают в гости. Чёрт, я уже столько времени без отпуска! Съездить

бы на недельку-другую, свой дом увидеть, друзей детства.

Вот оно как. Даже успешного человека, которого привезли ребёнком грызёт ностальгия. Виктору стало стыдно за то, что он покривил душой. Наверное, именно из-за этого чувства лёгкого стыда он и продолжал говорить совсем не то, что думал.

– Мне ехать туда не хочется, – повторил упрямо, чувствуя, как испаряется куда-то его приподнятое настроение. – Что там смотреть? В памяти одно, а в реальной жизни все по-другому. Со мной парень на стройке работал, десять лет в «совке» не был, всё мечтал съездить. Ну, и поехал, наконец, в свой Донбасс. Через три недели вернулся, говорит, лучше бы не ездил. Полная разруха. Всё, что можно, разворовали, нищих, говорит, полно, сидят прямо в центре у всех этих новомодных «бутиков», где туфли стоят, как пенсия его бабки за десять лет. Хотя, сказал, поехать стоило в любом случае – от ностальгии излечиться. Нет, нечего там делать. Кто мог, тот после великого развала уже уехал. – Кого он больше убеждал сейчас, себя или Тони? – А старики, те, наверное, уже умерли. От той жизни, по которой ты тоскуешь, там уже ничего и не осталось. Поезжай, сам увидишь. Только и ехать опасно. Читал в Интернете на сайте «Комсомолки», что люди исчезают среди бела дня, дома взрывают... Бардак, одним словом. Лучше сохранить светлые воспоминания о том, что было, чем получить большую порцию разочарований. Хотя в России, может быть, всё и не так как на Украине... не знаю.

Антон внимательно посмотрел на него, словно пытаясь понять причину внезапного раздражения, а потом примирительно произнес:

– Я как-то не особенно доверяю средствам массовой информации, хотя в чём-то ты прав, наверное. Я и сам знаю, что там действительно за эти двадцать лет всё изменилось. Везде всё меняется, мир не стоит на месте.

Виктор положил вилку. Бифштекс остыл и уже не казался таким вкусным.

– Везде хорошо, где нас нет.

Конечно, он съездит туда. С Оксаной. Когда-нибудь. Она как-то обмолвилась, что неплохо бы провести отпуск там, где она бывала ребенком. В Крыму, например. Ещё лучше – в Баку, но в Баку её детства, когда люди были гостеприимны и дружелюбны, и каждый мог запросто пригласить тебя в свой дом. Говорят, сейчас там слишком много от средневековья. Опять же близость к Чечне, где идет война. Кавказ стал далеким и чужим.

Что за проблемы, шутливо ответил он, в Крыму тоже замечательно. Он бывал там пару раз – во времена зелёной юности. Организуем, почему бы и нет? Говорил и сам верил, что в состоянии всё это «организовать». Каким образом и особенно сейчас? Даже не представлял. Просто верил, что так оно и будет. Будут лежать рядом под палящим солнцем, загорелые и беззаботные, будут слушать шум взлохмачен-

ных ветром волн. Он знает несколько совершенно офигенных мест. И это совсем даже не Ялта. Это Тарханкут. Полуостров на полуострове Крым. И полупустынная узкая песчаная полоса чудесных евпаторийских пляжей. Не городских, где яблоку негде упасть, где визжат дети и испуганно кричат мамы-клуши, а дикие, пред-евпаторийские и за-евпаторийские пески...

Но прежде будет ещё одно обязательное и совсем близкое путешествие. К водопаду, туда, где они впервые встретились. Это здесь популярно – проводить медовый месяц на Ниагаре. Дорогой номер в хорошем отеле, экскурсии, обед в ресторане, на самом верху башни Скайлон Тауэр, откуда открывается фантастический вид на водопад и окрестности.

А если заглянуть чуть дальше, то можно увидеть ещё кое-что. Их дом. Со временем они обязательно купят дом и он обязательно посадит свой собственный сад в этой самой «фруктовой корзине» Канады. И дерево грецкого ореха, когда родится ребенок.

Ещё какие-то радужные фантазии рождались и исчезали у него в голове, появлялись и лопались, как мыльные пузыри, пока он ехал на работу или с работы в переполненном автобусе. Теперь, когда он получил долгожданный статус, всё казалось возможным.

То ли ему повезло, то ли он действительно уже сносно владел английским, но он сдал с первого раза и теорию, и вождение, не сделав ни одной грубой ошибки. Это был рывок. Права здесь были, пожалуй, самым важным документом.

Вспомнил, как боялся этого экзамена. Сергей, один из парней, с которым он по ночам полировал полы в супермаркете, долго не мог получить права. Дважды пытался и оба раза безуспешно. Он был убежден, что инструктор придирается к нему, только потому, что он не канадец. «Ну, не любит он иммигрантов! У него только местные сдают и те – через раз».

Потом Сергей пошел в драйвинг скул, где обучали вождению на русском языке, на русском языке и экзамен сдавал. Но Виктор не хотел так, как Серёга. Во-первых, школа стоила денег. Потом, самолюбие не позволяло. Водить машину он умел, и в прежней жизни не полы подметал, как сейчас, а был инженером, и кое-что в технике понимал. И если уж оказался здесь и столько уже претерпел, то должен освоить и язык настолько, чтобы, по крайней мере, в быту из-за него не возникало никаких проблем. А на дороге так особенно. Для него экзамен по вождению был одновременно и экзаменом по английскому. А потому всё свободное от работы время он усердно готовился, оставляя для встреч с Оксаной лишь выходные. Тут как-то удачно совпало то, что и она в эти дни была занята больше обычного – фирма, в которой она работала, готовилась принять участие в большой международной

выставке.

Потренировавшись ещё несколько дней на автодроме и покатавшись по весенним улицам города, чтобы быстрее освоить нужные маршруты, он купил два билета на популярную американскую рок-группу, приехавшую в Торонто на гастроли, и только теперь решил позвонить Оксане. Набирая номер, и глупо улыбаясь, предвкушал, как подкатит за ней на своей машине.

А в ближайшее воскресенье нужно будет выехать за город – подышать воздухом. Погода была замечательная, май набирал силу.

К телефону подошла Лариса.

– А Оксаны нет. Уехала.

– И когда вернётся?

Говорить или не говорить о получении статуса Ларисе? Пожалуй, нет. Пусть позже, но он сам сообщит Оксане, что теперь он тоже канадец. Почти. Интересно, как она воспримет эту новость?

– А... разве ты ничего не знаешь? – В голосе Ларисы сквозило удивление.

– Да мы не виделись больше недели. Кручусь сейчас на двух работах, замотался. В среду звонил, но не застал её в офисе, – он вдруг почувствовал себя виноватым.

И, правда, что стоило позвонить ещё и ещё раз?

– Оксана уехала в Ванкувер.

– В Ванкувер?!

Она и раньше ездила в командировки по делам фирмы, но ещё никогда – так далеко.

– Надолго?

Лариса прямо на вопрос не ответила.

– Фирма расширяется, – сказала. – Появились новые вакансии, и ей предложили новую должность. Мы решили, не стоит отказываться.

Да, он что-то такое слышал – о вакансиях. Оксана говорила о том, что, возможно, поменяет место работы, но чтобы это было так далеко! Он был потрясён.

– Но почему – Ванкувер?

Он услышал в телефонной трубке вздох Ларисы:

– Сам понимаешь, из Торонто туда не каждый поедет. Мне тоже не нравится, что она так далеко, но для неё это такое большое повышение.

Всё это совершенно не укладывалось в голове.

– Мы же виделись – он лихорадочно подсчитал дни с момента их последней встречи, – в прошлую субботу... Она мне ничего такого не говорила. Даже не намекнула, что...

Лариса снова вздохнула. Она тоже ещё никогда не расставалась с дочерью.

– От такого места не отказываются. Дэвид открыл в Ванкувере новый большой магазин. Ему нужны там надёжные, проверенные люди.

Дэвид! Вот он, ключ. До этого момента он всё ещё наде-

ялся, что всё это просто недоразумение какое-то, но после этого «Дэвид» из глубин сознания выплывал правдивый и беспощадный ответ: никогда. Никогда не вернётся. А если и вернётся, то не к нему. Вместе они не будут никогда.

Мелкие шероховатости в их почти безоблачных отношениях, все эти незначительные детали – внезапные исчезновения, поздние звонки в самое неподходящее время, какие-то странные, почему-то требовавшие её присутствия, деловые встречи-обеда по субботам-воскресеньям, – вся эта мозаика быстро сложилась в целостную картинку. Дэвид, а не работа, вот главная причина.

– Можно было расстаться и по-другому, – грубо произнёс он. – Сказать всё честно.

– Не хотела тебя расстраивать, – тут же ответила Лариса.

Ага, значит, была в курсе, что он для Оксаны всего лишь развлечение, временная игрушка. До той поры, пока на горизонте не замаячит достойный кандидат. А что ты хотел? Она дочь своей матери. Лариса тоже выскочила замуж как только на горизонте замаячил тот, у кого водились денежки... Всё шло слишком хорошо, чтобы длиться слишком долго.

– Дэвид тоже живет в Ванкувере? – ядовито поинтересовался он, не в силах вот так сразу, как того требовала ситуация, положить трубку, и всё ещё на что-то надеясь, надеясь...

– Ну, перестань. Причём здесь Дэвид? Это, прежде всего, работа. Все мы вынуждены как-то зарабатывать на жизнь. –

Похоже, Лариса пыталась его утешить. – Мне тоже нелегко с ней расставаться. Ты же знаешь, у меня здесь никого, кроме неё нет. Но это очень, очень хорошее место, такое не каждый день предлагают. Большие деньги. И перспектива роста.

Поколебавшись, добавила: ладно, если хочешь, запиши телефон.

Почему-то он не стал звонить сразу. Грызла обида. В конце концов, могла бы, в самом деле, сама всё объяснить, а не исчезать вот так, не сказав ни слова и даже не попрощавшись. Все оттягивал – всё ещё надеялся в глубине души, что Оксана сама позвонит, что передумает, вернётся или позвёт его в этот чёртов Ванкувер... Что все его дурные предчувствия всего лишь игра воображения. Но она не звонила.

Прошло несколько дней, и он сдался.

– Не обижайся. Ты хороший парень и ты мне нравишься. Но в этой стране свои правила и законы. Нельзя начинать семейную жизнь, не имея ничего. Сам знаешь, каково без работы и без денег. Дэвид считает, что мне крупно повезло...

– Дэвид? – он пытался произнести это как можно язвительнее.

– Он мне очень помог, – сухо ответила Оксана. – Когда рассматривались кандидатуры на эту позицию, он предложил меня. Хорошая работа в этой стране значит если не всё, то очень многое. И никто на моём месте не стал бы упускать

такую возможность.

Её голос звучал так ясно, так отчетливо, что казалось, она находится где-то совсем рядом. Но она была далеко. На другом конце страны. Или мира. Уже в другой, чужой, жизни. Всё кончено. Не будет больше прогулок по городу и поездок за город. Ничего больше не будет. И обедов, и субботних встреч в маленькой гостинице в китайском квартале тоже не будет.

У него перехватило горло.

– Ну, чего ты молчишь?

А что тут говорить, когда и без слов всё ясно. Дэвид – ее босс. Один из самых главных в фирмы. Видел он однажды этого Дэвида, Оксана показала, когда он как-то встречал её у офиса. Дэвид садился в спортивную машину. Длинный, тощий и бледный, как поганка. Похоже, высмотрел её на какой-нибудь деловой встрече. Вероятно, живёт в шикарном доме. А у него даже и канадского паспорта ещё нет – только вид на жительство. И работа за восемь долларов в час. При этом он ещё считал, что ему повезло! Господи, дурак-то какой! Landed immigrant, иммигрант, пусть и постоянно проживающий в Канаде, – вот кто он такой. Ни больше, ни меньше. Один из многочисленных белых рабов этой демократической, этой свободной страны. Все эти сказки о том, как разбогател бедный иммигрант, начинавший разносчиком газет, сказки и есть. Все эти лозунги о больших возможностях маленького человечка рассчитаны на идиотов. Которые ле-

тят в дальние страны, как бабочки на огонь. Может быть, кому-то из них и повезёт, но большинство оседает на чёрных работах.

– Не сердись. Ну, вот такая уж я, бизнес-вумен, – она ещё пыталась шутить! – Ну, не создана я для того, чтобы готовить борщи и пампушки. А если серьёзно, Вик, то я просто должна работать, и должна использовать любой шанс, чтобы зарабатывать как можно больше. Мне не на кого рассчитывать. И я очень ждала этого повышения, я же тебе говорила. Только я думала, что меня оставят в Торонто.

Так и не услышав ответа, добавила:

– У тебя тоже всё образуется.

Она ничего не сказала о том, что они могут продолжить свои отношения. Она не позвала его. А ведь он мог тоже переехать в Ванкувер. Ради неё он куда угодно готов был ехать. Но она сказала: у тебя тоже всё образуется. У меня образовалось и у тебя образуется. Это прозвучало как «прощай».

«У тебя всё образуется». Ещё как образуется...

Он напился и пропустил свою смену в ресторане. Потом ещё одну. И ещё. Его, разумеется, уволили.

Деньги имеют свойство таять с непостижимой быстротой, стоит только зазеваться, остановить на мгновение бег в своём беличьем колесе. Если он не заплатит до понедельника за комнату, то самое лучшее, что его ждет – это шелтер. Ночлежка, то есть. Относительно комфортное место, лучше, чем по подвалам ночевать или в ящиках под мостом. Но ночлеж-

ка – она ночлежка и есть, пусть даже с чистыми простынями и душем. Милость государства и сострадательного общества к падшим согражданам.

Он лежал на диване, разглядывая ободранные обои в углу комнаты. Вот она, страна больших возможностей.

Зачем я здесь?

И вообще *здесь*, в этом мире? Какой смысл во всем этом барахтанье? Работа – дом, дом – работа... Ежедневная нудная, утомительная борьба за выживание. Зачем? Это и есть смысл моей драгоценной, единственной и никому не нужной жизни?

6

– Уволили? Ну, ты дурак – потерять такую работу!

На какой-то – пятый или десятый? – день его пьянства заехал Пётр, парень, с которым он когда-то гнул трубы для пластиковых столов и стульев на мебельной фабрике, и с которым изредка перезванивался.

– А нельзя к шефу как-нибудь подкатить? – спросил он. – Покайся, придумай что-нибудь!

Виктор покачал головой.

– Поздно придумывать, ушёл поезд.

– Понятно... Значит, давно пьёшь.

Пётр не хуже него знал, как это бывает. Наверняка, на место Виктора уже приняли быстрого и исполнительного ки-

тайца, готового ежеминутно кланяться и вкалывать за три доллара в час.

Достал из-под кровати бутылку с остатками виски и разлил поровну. Петр повертел стакан в руках.

– Не разбавляешь? – оглядел пустой стол, заваленный пустыми пакетами из-под чипсов и соленого арахиса. – И без закуски? Ладно. Как говорится, за тех, кто в море, в тюрьме и за границей!

Выпил, морщась, вытряс из пакета пару орешков, отправил в рот.

– Ну, и что теперь думаешь делать?

– Не знаю. – Действительно, что?

Пётр покачал головой.

– Завязывай. Тут расслабляться нельзя. Будешь сидеть на вэлфере – никогда не поднимешься.

Это его любимая тема была – как найти свою золотую жилу. У каждого, рискнувшего пойти на авантюру под названием «эмиграция» или, как здесь говорили «иммиграция», своё кино в голове. У большинства – как выжить и наладить быт, у Петра, – как разбогатеть. Он только об этом и говорил, только это его и волновало, как «подняться».

– А ты вот тут уже десять лет, и работаешь день и ночь. И что – высоко поднялся? – съязвил Виктор, угрюмо рассматривая пустую бутылку.

– На жизнь хватает, не жалуясь. Больших денег пока не заработал, потому что просто ещё не нашел свою...

– ... золотую жилу.

Пётр не обиделся.

– Пашку помнишь? Рыжего, с нами на фабрике работал, а потом в пекарне подручным? На днях узнаю, он эту пекарню выкупил! На булках поднялся! Сказал, что сейчас у него, в придачу к пекарне, ещё и магазин «Домашний хлеб» в Северном Йорке. Ссуду взял. Там у него одна баба из Полтавы здорово домашние пирожки печёт. Ещё двое ребят-москвичей на компьютерах выехали, тоже неплохие бабки делают. Офис в самом центре, представляешь, сколько там одна аренда стоит? А приехали – первое время зимой на вокзале ночевали, а весной в парке, когда погода позволяла. На скамейке спали и флагами родины, которые на сувениры привезли, укрывались. А ещё Андрей с нами работал, помнишь, длинный такой? Мордой на американского актера похож. Ну, на этого, который в «Титанике» художника играл, как его? Так вот, у него сейчас своя музыкальная студия. Электронную музыку делает.

– Да кому, на хрен, нужна здесь его музыка! – грубо прервал Виктор. Его просто тошнило уже от всех этих сказочек. – Какая здесь культура? Здесь же никто ничем, кроме денег не интересуется.

– Ну, не скажи, – Пётр покачал головой. – На хороший товар везде есть спрос. Андрей уже, кажется, пару-тройку дисков сделал. По радио часто крутят. В Испанию и Германию на гастроли приглашают. Страна больших возможностей...

– Если бабки есть! У кого они водятся, тому везде хорошо.

– Зря ты так настроен. Здесь, в Канаде, всегда можно заработать, а если ещё и найти свою нишу...

– Какая, к черту, ниша! Все давно забито. – Из него вдруг попёрло то, о чем он и думать раньше не хотел. – Наша ниша – чёрные работы, на которых канадцы, чьи предки прикатили сюда первыми, надламываться не хотят! Или на тех пахать, кто успел урвать хороший кусок, когда нашу страну растаскивали, да потом сбежали сюда, чтобы дома этот кусок другие такие же хапилы не отняли!

Он ещё что-то орал, но Пётр, казалось, уже не слушал. Прошёлся, заглядывая в углы.

– Сколько за нору платишь?

– Пятьсот.

– Так себе нора. Тесная, без кондишина... Не хочешь перебраться ко мне?

– С чего это вдруг? – с подозрением спросил Виктор.

– Да сосед у меня съехал, с которым мы дом на пару снимали, – объяснил Пётр. – Одному оплачивать, сам знаешь, дорого. И новое жильё искать не хочется. Пять лет в одном доме живу, привык. Понимаешь, он хотя и старый, но классный дом. От центра, конечно, далеко, зато это дом, а не комната, и платить, если на двоих, получается всего по четыреста баксов.

По четыреста – это хорошо. За целый дом – это очень-очень хорошо. Виктор это понимал. Тут и пьяный ёжик бы

понял. Только сейчас у него денег-то, можно сказать, почти нет.

– Не знаю, – пробормотал, мучительно соображая, по силам ли ему сейчас такое перемещение. – Надо подумать... Там же за первый и последний месяц надо сразу платить, а я... Я машину купил и вот... – он ткнул пальцем в угол, где громоздилась куча пустых бутылок и пивных банок.

Петру ничего объяснять не надо, он из понятливых. Сам такой.

– Этот месяц я уже оплатил. Отдашь, когда заработаешь. А, кстати, – вскинул брови, – и насчет работы могу узнать. Я сейчас на одной фабрике, деревообрабатывающей, в Сент-Катринсе. Час с небольшим езды от Торонто, но платят неплохо.

– Где это?

Пётр объяснил.

– Далековато.

– Ну, чтоб не на машине гонять, купишь проездной на поезд. На полгода, дешевле будет. А работа того стоит. Десять-двенадцать баксов в час, в зависимости от цеха.

Десять баксов? Стоило подумать.

– А что делать-то? – вяло поинтересовался, внутренне уже на всё соглашаясь.

В самом деле, какая разница, что делать? Платили бы нормально. А главное, надо стряхнуть с себя это состояние. Хватит с него глубоких чувств. Если разобраться, всё это всего

лишь игра гормонов. Основной инстинкт. Остальное – воображение. А жить надо без фантазий. Яркую обёртку, всю эту любовь, «романс» этот, придумали козлы, пишущие слюнявые истории и снимающие сладкие фильмы, чтобы побольше зелени настричь. Всё, всё ради бабла. А этой жизни подходит только здоровый секс. Встретились – трахнулись – разбежались.

7

Дом и в самом деле оказался хорошим – три спальни, просторный бейсмент, где, помимо старой стиральной машины и сушилки, за перегородкой, на грязноватом сером ковре стояло два древних огромных дивана и большой телевизор. Несколько ободрано всё, запущено, но довольно уютно. Лужайка перед домом, а на заднем дворе незамысловатый садик, состоящий из раскидистого пеканового дерева и нескольких непонятных кустов. Виктор вспомнил роскошный цветник матери. Старый сад, где сейчас, в начале лета, набирает силу ранняя черешня и клубника. Тут таких роскошных садов и не бывает. Здесь никто не выращивает фруктовых деревьев у дома – зачем, когда всё можно купить в супермаркете? И роскошных клумб не устраивают. Расточительно это, тратить воду на полив экзотических цветов. Красивый букет всегда можно купить или заказать всё в том же супермаркете. Здесь в моде всё больше ровно подстрижен-

ные лужайки, которые украшает какой-нибудь камень или статуя. Бэкярд, задний двор, то есть, здесь тоже без затей. Ну, у некоторых, кто побогаче, бассейны, а у их дома под pekanовым деревом площадка, на которой, случилось, Пётр устраивал барбекю.

На одном из таких барбекю Виктор и познакомился с Маргарет.

Маргарет жила рядом. Первое время он как-то её не встречал, да и никакие соседи его не интересовали. Видел только относительно новую «Тойоту» под навесом соседнего дома – гаража, как и у них с Пётром, у соседнего дома не имелось.

Потом как-то в субботу утром, когда он после тяжёлой рабочей недели намеревался поспать подольше, его разбудил звук газонокосилки. Раздражённый, он выглянул в окно своей спальни и увидел соседку, стриγουщую свой газон. Ну, нашла время, возмущённо подумал, закрывая окно. Поспать не удалось.

А ещё через какое-то время, возвращаясь вечером с работы, столкнулся с ней у кустов жимолости. Она выгуливала толстого кота, надев на него ошейник с длинным поводком. Наверное, боялась, что убежит. Он не мог сдержать улыбки – такое видел впервые, чтобы кот – на поводке. Она тоже улыбнулась в ответ. После этого, встречаясь, всегда здоровался.

– Одинокая женщина, – проинформировал его Пётр. – Работает в местной прачечной. Живёт одна, ну, если не считать двух котов и собаки. Надо будет как-нибудь на барбекю пригласить. Будешь занимать её разговором – вот тебе и языковая практика.

– Шутишь!

– Нет, серьёзно, давай пригласим! – загорелся Пётр. – Хватит тебе киснуть, ты же здоровый мужик.

У Петра появилась новая девушка, а потому он был великодушно щедр и хотел, чтобы Виктор тоже не скучал. А может быть, просто хотел себя обезопасить, приводя в дом свою красивую продавщицу.

– Да ей, по видимости, давно за сорок, – отшутился он. – Вся седая.

– Всего лишь сорок, – поправил Пётр. – Приятная женщина в соку, ну, с ранней сединой. Между прочим, у брюнетов это часто бывает. Я вообще сесть начал в двадцать восемь лет. Подумаешь, немного старше тебя. Это сейчас даже модно, иметь такую подругу.

– Да мне, честно говоря, по фигу, что здесь модно, а что нет.

Не стал углубляться в тему. Просто он не привык видеть на *своих* женщинах старые, вылинявшие футболки и драные штаны. Зина любила красивые вещи. А Оксана... Она вообще выглядела как топ-модель из модного журнала.

Тем не менее, барбекю состоялось и, после жареных сосисок и пива, а главное, при ближайшем рассмотрении, оказалось, что Маргарет действительно выглядит совсем неплохо. Гладкая кожа, голубые глаза. Вот только поговорить не получилось. Она была не очень разговорчива, а он стеснялся своего грубого акцента. Тем не менее, спросил, в какой прачечной она работает. Она ответила, что совсем недалеко от дома, на том их светская беседа в тот раз и закончилась.

После этого барбекю почему-то стал видеть её чаще. Возможно, она больше возилась в своём садике. А может быть, он сам стал наблюдательнее, какой-то интерес появился. Утром выглядывал в маленькое окно спальни – стоит ли её машина у дома. Возвращаясь с работы, видел иногда, как она выгуливает то кота, то собаку. Потом даже «расписание» этих прогулок вычислил. Коты выводились на длинном поводке по вторникам и субботам. Собака гуляла чаще – три раза в неделю. Была она белая, большая и толстая и издали больше походила на свинью, чем на собаку. Виктор вспомнил отцовского Бимку, который большую часть своей собачьей жизни проводил на воздухе, гоняя кур на заднем дворе. Ел, что давали, и игрушек у него не водилось. Но вид у него был самый жизнерадостный и здоровый.

– Да, они тут своих «пэтс» прогулками не балуют, – согласился Пётр, когда он поделился своими наблюдениями. – Видел сколько тут магазинов и всякого добра для кошек, со-

бак и прочих всяких любимцев продается? Целая индустрия работает, колоссальные бабки на этом делают. А держат их взаперти, как пленников! Ты скажи, скажи своей Маргарет, что это бесчеловечно!

– С чего это она стала моей! – огрызнулся он в ответ.

Пётр ухмыльнулся.

– А кто ведет регулярное наблюдение за соседним домом?

Как-то он помог ей постричь траву на лужайке. Она пригласила его на чашку кофе.

Дом внутри оказался не таким большим, как виделся снаружи. Гостиная с традиционной парой кресел и большим диваном переходила в крошечную столовую, где помещался всего лишь стол и несколько стульев. Маргарет пригласила его присесть и отправилась на кухню готовить кофе. Он устроился в одно из кресел. На маленьком столике лежало несколько альбомов с репродукциями. Он взял в руки один из них, сдул с него собачью шерсть и начал листать. Из кухни вышла собака и внимательно посмотрела на него. Надеюсь, ты не кусаешься, пробормотал он. Шумно дыша, собака осторожно подошла ближе, понюхала его колени и отвернулась, похоже, он её не заинтересовал. Не твякнув даже для приличия, пыхтя, стала карабкаться на диван, где и растянулась с усталым видом. Ну и ну, действительно, раскормлена до невероятных размеров – таких он ещё никогда не видел. Такой собачке не то, что укусить незнакомца – залаять не

под силу.

– Она очень добрая, – сказала Маргарет, ставя на стол в столовой кофе и бутерброды.

– Я вижу, – ответил он.

Пригласил её съездить в Наягра Фолз на выходных. Она согласилась, но, как ему показалось, безо всякого удовольствия. Позже он понял, почему.

Оказалось, что когда-то Маргарет жила рядом с водопадом. Училась на каких-то курсах и подрабатывала там же – сажала цветы в Парке Королевы Виктории, который располагался на берегу Ниагары прямо напротив американского водопада. Потом подрабатывала лифтёром, поднимала группы туристов на верхнюю палубу обзорной башни Скайлон Тауэр, а ещё позднее – официанткой в одном из ресторанов на берегу той же Ниагары. Для неё Ниагара не была ни волшебством, ни праздником. Это было место работы, место зарабатывания денег. Обыденность, одним словом. И ей не нравился шум падающей воды, все эти мощные децибелы, слышимые за километры от Наягра-Фолз.

Они стали встречаться – обычно пару раз в неделю, по вечерам. Он попытался нарушить этот странный режим, придя как-то во внеурочное время, но Маргарет не впустила, сославшись на то, что завтра у неё трудный день – ей предстояла какая-то поездка.

Она умела держать дистанцию, хотя была всегда спокойна и немногословна. Она не походила ни на одну из женщин, с

которыми он имел дело раньше.

– Никогда не знаешь, о чем с ней говорить. Не знаешь, что у неё на уме, о чем она думает, – пожаловался он как-то.

– Да ни о чем особенном, – ответил Пётр. – Так же, как и ты – о счетах, о том, чтобы с работы не вылететь, где что подешевле купить, да какому ветеринару своих «пэтс» показать. Ну, о тебе ещё, может быть, думает, ближе к вечеру или по выходным, – пошутил.

Но Виктору было не до шуток. Он хотел понять, нужна ли действительно ему эта Маргарет, и насколько нужна. И вообще, что с ним происходит, хотел большей ясности в этой путаной жизни.

– Мы больше года встречаемся, а каждый раз мне кажется, что я вижу её впервые. Никогда ничего не рассказывает ни о работе, ни о себе. Весь разговор: How are you? Как ты? I am fine, and you? Я нормально, а ты? Прямо из учебника пятого класса. Я о ней и не знаю ничего.

– А на фига знать-то? Нашел бабу и радуйся. Ты же жениться на ней не собираешься.

– Надо же когда-нибудь... Уже под сорок.

Пётр покачал головой.

– Только не на канадке. Сколько с ними не встречался, всё что-то не то. Менталитет другой. Всё у них на расчете построено, по-моёму, у них вместо сердца калькулятор. В глазах, когда она на что-нибудь смотрит, только цифры мелькают. Взглянет, и уже просчитала, сколько ты зарабатываешь и

что имеешь... кроме детородного органа. Для женитьбы надо нашу девушку искать. Тут даже не в красоте дело, хотя это, конечно, тоже немаловажно... Наши хотя и крикливее бывают, а все равно – добрее. А если с любовью не получится, так хотя бы язык один и борщи почти все готовить умеют.

Виктор соглашался, действительно, лучше наших девушек нет. Но только где их взять в этой стране? Столько вокруг одиноких парней, которые и моложе, и выглядят лучше, чем он, и зарабатывают больше. И потом, если разобраться, «наши» девушки, особенно те, кто сумел вырваться на канадские просторы в относительно юном возрасте, тоже отлично умеют считать. И тоже предпочитают канадцев с тугими кошельками. И деньги они любят тратить не хуже канадских вертихвосток. Нет, дело не в национальности...

Петру повезло – он встретил Надю (хотя неизвестно ещё, чем у них дело кончится). Она из Томска. Насмотрелась фильмов про красивую жизнь и отправилась в Мурманск, буфетчицей на корабль устраиваться. В первом же порту сошла на берег, да так на этом берегу и осталась. Сияет теперь обворожительной улыбкой, как какая-нибудь кинозвезда, налево и направо, убеждая потенциальных покупательниц, что в магазине «Аврора» лучшие кофточки в Торонто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.